

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи(,) портрета, снимковъ съ его почерка и съ его рисунковъ, и проч. Изданіе П. В. Анненкова. Санктпетербургъ. 1855.

Статья первая.

Томъ I. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА.

Новое изданіе сочиненій Пушкина, которое давно и съ нетерпѣніемъ было ожидаемо русскими читателями, является наконецъ вполне. О появленіи первыхъ томовъ этого изданія уже не разъ говорилось въ нашемъ журналѣ. Последніе два тома выходятъ на-дняхъ, и потому мы можемъ теперь начать отчетъ о всемъ изданіи.

Предлагаемыя статьи имѣютъ предметомъ разсмотрѣть это изданіе со всѣхъ сторонъ, указать его достоинства и недостатки, и обратить преимущественное вниманіе читателей на то, что оно представляетъ *новаго* какъ въ литературномъ, такъ и въ біографическомъ отношеніяхъ. Подробный эстетическій разборъ самихъ произведеній поэта не входитъ въ планъ нашихъ статей, потому-что, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ нашемъ же журналѣ былъ напечатанъ полный разборъ сочиненій Пушкина. Взглядъ нашъ съ-тѣхъ-поръ не измѣнился, потому-что творенія Пушкина, хотя уже почти четверть вѣка прошло надъ его могилою, до-сихъ-поръ не утратили своей обаятельной силы и свѣжести, и еще далеко то время, когда критика въ-состояніи будетъ сказать что-либо новое, или измѣнить свои сужденія о его произведеніяхъ, изъ которыхъ многимъ суждена вѣчная юность, какъ всему истинному въ наукѣ и искусствѣ.

Потребность новаго изданія сочиненій Пушкина была признана давно, именно вслѣдъ за явившимся въ 1838 году собраніемъ его сочиненій, въ которомъ оказалось много неисправностей. Сравненіе между двумя однородными предметами лучше всего объясняетъ ихъ свойства и взаимныя отношенія, и потому употребимъ это средство, чтобъ показать огромную разницу между двумя посмертными изданіями сочиненій Пушкина и важныя достоинства изданія г. Анненкова.

Начинаемъ сравненіе съ наружности. Первое изданіе (1838—1841 г.) въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не удовлетворяетъ самымъ умѣреннымъ требованіямъ: оно напечатано на дурной бумагѣ, избитымъ шрифтомъ, испещрено опечатками, способными разсмѣшить угрюмѣйшаго изъ читателей, и, несмотря на всю свою не полноту, растянуто на одиннадцать толстыхъ томовъ потому только, что въ немъ нерѣдко встрѣчается по двѣ строчки на страницѣ. Изданіе П. В. Анненкова, въ-сравненіи съ первымъ, можетъ назваться изящнымъ, хотя также несовсѣмъ-удовлетворительно въ типографскомъ отношеніи (въ немъ также немало опечатокъ), но по-крайней-мѣрѣ, вмѣсто прежняго одиннадцати-томнаго изданія, читатель получаетъ теперь за гораздо-меньшую цѣну (12 р. сер.) шесть компактныхъ томовъ (въ томъ числѣ одинъ, занятый біографіею поэта), въ которыхъ найдетъ очень-много пропущеннаго первымъ изданіемъ.

Но достоинства новаго изданія особенно-важны во всѣхъ другихъ, существенныхъ отношеніяхъ. Оно, несмотря на нѣкоторые недостатки въ частностяхъ, можетъ считаться образцовымъ по своей системѣ.

Въ прежнемъ изданіи произведенія Пушкина напечатаны въ произвольномъ порядкѣ; стихотворенія раздѣлены по родамъ, придуманнымъ также произвольно, отчего и вышла большая путаница. Напримѣръ, судя по этимъ рубрикамъ, у Пушкина оказывается только семь *лирическихъ* стихотвореній, между-тѣмъ, какъ въ изданіи господина Анненкова имъ посвящены полтора тома. Вслѣдъ за семью *лирическими* стихотвореніями (т. III) идетъ отдѣлъ *пѣсенъ*, *стансовъ* и *сонетовъ*; за ними слѣдуютъ *посланія*, *элегіи*, *подражанія восточнымъ стихотворцамъ* и *эпиграммы*, какъ-будто всѣ эти подраздѣленія не составляютъ видовъ той же лирической поэзіи. Въ слѣдующемъ томѣ (IV) встрѣчается еще отдѣлъ *антологическихъ* стихотвореній; тѣ же пьесы, которыя не подошли подъ рубрики, а таковыхъ оказалось довольно (около третьей доли IV т.), напечатаны подъ названіемъ *разныхъ стихотвореній*. Подобная система, встрѣчавшаяся довольно-часто въ изданіяхъ произведеній нашихъ поэтовъ, также мало имѣетъ основанія, какъ распредѣленіе стихотвореній по ихъ размѣрамъ. Если же допустить раздѣленіе стихотвореній по родамъ — раздѣленіе нерѣдко произвольное, то отчего же, напримѣръ, не допустить раздѣленія ихъ по размѣрамъ? И то и другое одинаково касается не сущности, а только внѣшнихъ, случайныхъ условій стихотворенія, только его формы, и собирать въ одинъ отдѣлъ элегіи, въ другой пѣсни, и т. д. такъ же странно, какъ было бы странно печатать въ одномъ отдѣлѣ *ямбическія* стихотворенія, въ другомъ *хореическія*, и т. д.

Новый издатель принявъ въ этомъ отношеніи систему хронологическаго порядка, самую удобную для того, чтобъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ поэта, чтобъ наблюдать, въ какой степени, когда и

долго ли онъ находился подъ тѣмъ или другимъ вліяніемъ, и какъ, мало-по-малу освобождаясь отъ нихъ, достигъ самостоятельнаго творчества, сталъ полнымъ властелиномъ въ искусствѣ. Избранная г. Анненковымъ система, которую нельзя не предпочесть всѣмъ другимъ, имѣетъ еще особую важность для изученія дѣятельности и личности Пушкина. Его поэзія, субъективная по преимуществу, находила источникъ въ самой жизни: для Пушкина жизнь была поэзіею, а поэзія — жизнью. Такому близкому соотношенію жизни поэта съ его произведеніями болѣе всего способствовала, при необыкновенной его впечатлительности, постоянная потребность высказываться, потребность, которая, не ограничиваясь произведеніями, назначенными для печати самимъ поэтомъ, проявлялась и въ его бесѣдахъ въ обществѣ и въ постоянной перепискѣ съ пріятелями, никогда вполне не удовлетворяясь. Пушкинъ постоянно записывалъ свои мысли, видѣнное и слышанное, записывалъ безъ системы, безъ связи, и давалъ своимъ впечатлѣніямъ поэтическіе образы, слѣдуя внушеніямъ этой непреодолимой потребности. «Въ его произведеніяхъ (говоритъ г. Анненковъ) безпрестано слышится живой голосъ событія, и сквозь поэтическую призму ихъ безпрестанно мелькаетъ настоящее прошествіе». Это близкое соотношеніе дѣйствительности и авторства дѣлаетъ произведенія Пушкина поэтической автобіографіею, для уразумѣнія которой система, избранная издателемъ, служитъ лучшею путеводною нитью. Но, по разнообразію поэтическихъ формъ, усвоенныхъ Пушкинымъ, оказывалось затруднительнымъ принять эту систему безусловно для всѣхъ его стихотворныхъ произведеній. Печатать небольшое лирическое стихотвореніе, за которымъ слѣдовала бы поэма или драма, а за нею опять рядъ мелкихъ стихотвореній, такимъ же образомъ нарушенный, представляло неудобство и въ типографскомъ и въ эстетическомъ отношеніяхъ. Поэтому издатель, сохранивъ вездѣ основной хронологическій порядокъ, принялъ еще три отдѣла для стихотворныхъ произведеній Пушкина; но, при составленіи этихъ отдѣловъ, имѣлъ въ виду только внѣшнія, рѣзко-отличающіяся другъ отъ друга формы произведеній. На этомъ основаніи допущены слѣдующіе отдѣлы: 1) Стихотворенія лирическія въ обширномъ смыслѣ; 2) Произведенія эпическія, то-есть поэмы, повѣсти, рассказы, народные эпосы и сказки, и 3) Произведенія драматическія.

Самый существенный недостатокъ прежняго изданія сочиненій Пушкина — неполнота. Первые восемь томовъ изданія замѣчательны пропусками произведеній, не только разсѣянныхъ въ журналахъ, но даже помѣщенныхъ въ изданныхъ при жизни поэта собраніяхъ его сочиненій. Чтобъ сколько-нибудь поправить это дѣло, въ 1841 году изданы компаніею издателей-книгопродавцевъ еще три тома. Эти дополненія, напечатанныя нѣсколько-лучше первыхъ восьми томовъ, замѣчательны такою же неполнотою и отсутствіемъ системы. Напримѣръ, девятый томъ, посвященный стихотворнымъ произведеніямъ, открывается отдѣ-

ломъ , названнымъ въ оглавленіи просто *Стихотворенія* («Мѣдный Всадникъ» , «Каменный Гость» , «Русалка» и «Галубъ»); за нимъ слѣдуютъ *Мелкія стихотворенія* , въ числѣ которыхъ помѣщена , между-прочимъ , *Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и о работникѣ его Балдѣ*; потомъ особый отдѣлъ составляютъ *Послѣднія три стихотворенія А. С. Пушкина* , изъ которыхъ , однакожь , какъ извѣстно , не всѣ были послѣдними ; за ними слѣдуютъ *Лицейскія стихотворенія* , въ числѣ которыхъ оказались 1) нелицейскія (напримѣръ «Мой первый другъ , мой другъ безцѣнный»), 2) принадлежащія Пушкину (напримѣръ *Застольная пѣсня*) и 3) напечатанныя по два раза (*Сну* , *Друзьямъ* и *Къ Дельвигу*). Но забавнѣе всего отдѣлъ подъ заглавіемъ *Стихотворенія , пропущенныя въ послѣднемъ полномъ (?) изданіи* , въ числѣ которыхъ находится статья въ прозѣ (*Объясненіе*) , и если оказывается нѣсколько десятковъ стихотвореній , непопавшихъ и въ этотъ отдѣлъ , за-то нѣкоторыя (*Отрывокъ изъ посланія В. Л. Пушкину* и *Въ альбомъ малюткѣ*) , вѣроятно , для большаго удовольствія читателей , напечатаны во второй разъ... Замѣчанія журналовъ побудили издателей трехъ послѣднихъ томовъ обѣщать новое дополненіе къ нимъ , въ которомъ предполагалось помѣстить все , что пропущено въ одиннадцати томахъ такъ-называемаго полного собранія сочиненій Пушкина , а пропущеннаго оказалось множество , не считая неизданныхъ произведеній. Предположеніе это , однакожь , не состоялось , и только по истеченіи четырнадцати лѣтъ , но уже другимъ , опытнымъ издателемъ исправлены недосмотры и ошибки прежнихъ издателей.

Г. Анненковъ далъ себѣ задачу представить читателямъ возможно-полное собраніе сочиненій Пушкина. Съ этою цѣлью онъ пересмотрѣлъ альманахи и періодическія изданія , въ которыхъ печатались произведенія Пушкина , воспользовался журнальными указаніями пропущенныхъ посмертнымъ изданіемъ сочиненій поэта , и извлекъ изъ поступившихъ въ его распоряженіе бумагъ Пушкина , въ которыхъ оказалось еще много неизданнаго , все , что могло быть доступно любопытству читателей. Несмотря , однакожь , на добросовѣстность этой кропотливой работы , издатель сознается , «что найдется еще много упущеній и недосмотровъ» (Томъ II , *Объясненіе* , стр. VII) въ его изданіи , которому онъ не далъ даже названія полного. Дѣйствительно , въ трудѣ г. Анненкова оказываются нѣкоторые пропуски , которые будутъ указываемы ниже ; но , несмотря на это , его изданіе несравненно-полнѣе всѣхъ тѣхъ , которыя у насъ считаются полными.

Кромѣ отсутствія системы и неполноты , прежнее изданіе сочиненій Пушкина отличалось еще искаженіемъ текста. Новый издатель обратилъ особенное вниманіе на этотъ важный недостатокъ. Такъ-какъ исправленіе текста , по важности задачи , требовало доказательствъ на право поправки или измѣненія , то г. Анненковъ снабдилъ почти каж-

дое изъ произведеній поэта указаніями, гдѣ оно впервые явилось, какія измѣненія получало въ различныхъ изданіяхъ при жизни поэта, и въ какомъ отношеніи съ текстомъ этихъ редакцій находится текстъ по-смертнаго изданія. Такимъ-образомъ читатели имѣютъ теперь возможность слѣдить за измѣненіями каждаго произведенія. Многія изъ стихотвореній и статей поэта (особенно явившіяся въ печати по смерти его) сличены съ рукописями и по нимъ указаны его числовыя помѣтки, первыя мысли и намѣренія. Хронологическое распредѣленіе стихотвореній также находитъ въ примѣчаніяхъ оправданіе и подтвердительныя данныя, заимствованныя отчасти изъ бумагъ поэта, а отчасти изъ явившихся еще при жизни Пушкина пяти собраній его стихотвореній, которыя помѣщены въ нихъ также въ хронологическомъ порядкѣ. Г. Анненковъ обратилъ даже вниманіе на особенное правописаніе Пушкина, проявлявшееся не только въ собраніяхъ его сочиненій, но даже въ изданіяхъ, въ которыя онъ посылалъ свои произведенія. Эти орфографическія особенности собраны издателемъ въ примѣчаніяхъ, а вмѣстѣ съ ними указаны и нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя не принадлежатъ поэту и употреблены посторонней редакціей его сочиненій. И тѣ и другія заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, какъ образцы грамматическихъ колебаній нашего языка.

Дальнѣйшее сравненіе между обоими изданіями — сравненіе ихъ въ частностяхъ, подтвердило бы сказанное выше и доказало бы, какъ уже доказало сравненіе ихъ въ общихъ чертахъ, что изданіе г. Анненкова удовлетворяетъ болѣе или менѣе всѣмъ законнымъ требованіямъ.

Первый томъ посвященъ обширной біографіи поэта, напечатанной подъ скромнымъ названіемъ *Матеріаловъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина*. Разсмотрѣніемъ этихъ «Матеріаловъ» теперь и займемся преимущественно.

Авторъ начинаетъ біографію поэта съ его родословной и, ссылаясь на «Родословную Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ», переданную самимъ поэтомъ въ его *Запискахъ (Сочиненія Пушкина, изд. 1855 г., т. V, стр. 3—6)*, прибавляетъ къ ней нѣсколько замѣтокъ. Для лучшаго уразумѣнія родословной, г. Анненковъ приложилъ къ своему труду родословную таблицу, составленную со словъ сестры поэта, О. С. Павлицевой, ея мужемъ Н. И. Павлицевымъ (т. I, приложение I). Родословная начинается съ столбика Петра Петровича Пушкина, скончавшагося въ 1677 году, и доведена до 1851 года, съ котораго времени единственное дополненіе къ ней составляетъ смерть брата поэта, Льва Сергѣевича Пушкина, скончавшагося въ Одессѣ въ 1852 году.

Къ-сожалѣнію, г. Анненковъ не упоминаетъ ни объ одномъ изъ Пушкиныхъ, жившихъ при государяхъ рюрикава дома и игравшихъ не послѣднюю роль въ нашей исторіи. Въ одной «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина говорится объ *одиннадцати* Пушкиныхъ, и читатели тѣмъ болѣе въ-правѣ были ожидать отъ г. Анненкова подроб-

ностей въ этомъ отношеніи, что самъ поэтъ въ «Запискахъ» своихъ называетъ (и то невѣрно) только весьма-немногихъ представителей своего рода. Кромѣ «Исторіи» Карамзина, многіе матеріалы и указанія для родословной поэта находятся въ «Родословной» и «Разрядной» Книгахъ, въ «Россійской Вѣдѣи», въ изданіяхъ Археографическихъ Экспедиціи и Коммиссіи, во «Временникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», и проч. Въ «Матеріалахъ» не упоминается также о Пушкинѣ, котораго поэтъ вывелъ въ «Борисѣ Годуновѣ». О немъ умалчиваетъ, какъ уже замѣчено въ «Москвитинѣ» (1853 г., № 22, Смѣсь, стр. 125), и другой біографъ Пушкина, П. И. Бартевель, которому мы обязаны самымъ добросовѣтнымъ изслѣдованіемъ родословной, дѣтства и юности поэта. Въ «Матеріалахъ» не находимъ также свѣдѣній о Пушкиныхъ, подписавшихся подъ грамотою объ избраніи на царство Михайла Ѳедоровича Романова, которые не названы ни въ одной изъ статей о родословной поэта. О нихъ упоминаетъ самъ Пушкинъ въ своихъ *Запискахъ*: «*четверо* Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ» (т. V, стр. 4), и въ письмѣ къ Дельвигу изъ Михайловскаго отъ 8-го іюня 1825 года. Письмо это напечатано въ «Матеріалахъ» (стр. 156—157), но безъ послѣднихъ строкъ, въ которыхъ и находится это указаніе, и которыя представляемъ: «Видѣлъ ли ты Н. М. (Карамзина)? Идетъ ли впередъ исторія? Гдѣ онъ остановится? Не на избраніи ли Романовыхъ?... *Шесть* Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту, да «*два* руку приложили за неумѣнъ писать»... Оба показанія поэта несовѣтъ-справедливы: подъ избирательною грамотою («Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранившихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ», Москва, 1813 г., часть первая) подписались *пять* Пушкиныхъ, изъ которыхъ одинъ подписался за своего брата, именно: стольникъ *Иванъ*, подписавшійся и за брата своего *Ивана Григорьева сына*, стряпчій *Ѳедоръ*, *Михайло* и *Никита*, и руку приложили двое: *Ѳедоръ* и *Ѳедоръ Семеновъ сынъ*. Поэтъ вообще дорожилъ своей родословной и въ неизданномъ стихотвореніи своемъ *Моя родословная*, изъ котораго небольшіе отрывки не разъ являлись въ печати, съ гордостью говорить о древности своего рода. Г. Анненковъ упоминаетъ въ «Матеріалахъ» о причинѣ, породившей эту пьесу (стр. 300), и приводитъ изъ нея полторы строфы. Излагая родословную поэта, г. Анненковъ только упоминаетъ объ извѣстномъ родоначальникѣ фамиліи Ганнибаловъ, негрѣ *Абрамѣ Петровичѣ*, и возвращается къ нему уже на стр. 300 — 303, по поводу литературныхъ и филологическихъ замѣтокъ Пушкина. Тамъ же приведено и любопытное письмо императрицы *Екатерины II* къ *А. П. Ганнибалу*. Эти свѣдѣнія, составляющія перерывъ въ изложеніи литературной дѣятельности Пушкина, были бы болѣе-умѣстны въ его родословной. Въ «Родословной» поэта не находимъ также *Андрея Ивано-*

вича Пушкина, напечатавшаго (въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтiя) нѣсколько сочиненiй по части военныхъ наукъ, и вообще не встрѣчаемъ указанiй о Пушкиныхъ—писателяхъ, которыхъ, по увѣренiю С. Д. Полторацкаго, можно насчитать до восьми. Изъ нихъ въ «Родословной» показаны только Василiй Львовичъ, извѣстный авторъ «Опаснаго Собѣда», и Алексѣй Михайловичъ, переводчикъ Мольера. Но годъ смерти послѣдняго не означенъ. Онъ скончался въ Москвѣ, въ концѣ мая 1825 года. Краткое некрологическое извѣстiе о немъ напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ» 1825 года, № 70.

Вообще г. Анненковъ не воспользовался, при изложенiи родословной поэта, не только названными выше историческими матеріалами, но пренебрегъ въ этомъ отношенiи и позднѣйшими журнальными указанiями. Такъ, напримѣръ, онъ не воспользовался важнѣйшимъ матеріаломъ для родословной поэта—статьею П. И. Бартенева *Родъ и дѣтство Пушкина* («Отечественныя Записки» 1853, № 11), даже не упомянулъ объ этой статьѣ также, какъ о замѣчательныхъ двухъ главахъ биографiи Пушкина того же автора («Московскiя Вѣдомости» 1854, № 71—118), не воспользовался статьею А. Ю. Пушкина *Для биографiи Пушкина* («Москвитянинъ» 1852, № 24), составляющей дополненiя и поправки къ статьѣ Н. В. Берга *Сельцо Захарово*, въ которомъ Пушкинъ провелъ часть своего дѣтства («Москвитянинъ» 1851, № 9 и 10), и проч.

Въ бумагахъ поэта сохранилось еще нѣсколько неизданныхъ замѣтокъ о его родственныхъ отношенiяхъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ его къ брату изъ Михайловскаго въ 1824 году, онъ упоминаетъ о смерти своей тетки, дѣвицы Анны Львовны Пушкиной: «... Вотъ важное: тетка умерла. Бду завтра на Св. Горы и велю отпѣть панихиду... Думаю, что наши отправятся въ Москву. Добрый путь!» (*) Въ письмѣ отъ 4-го декабря того же года читаемъ: «Si ce que vous dites concernant le testament d'A. Л. est vrai, c'est très joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante... Няня исполнила твою комиссiю, ѣздила на Св. Горы и отправила панихиду или что было нужно. Она дѣлаетъ тебя и я также». Пушкинъ написалъ на кончину Анны Львовны элегiю, которая недавно напечатана въ «Современникѣ» (1854 г. № IX, Критика, стр. 18) и которой нѣтъ въ изданiи г. Анненкова. Нѣкоторыя указанiя объ отношенiяхъ поэта къ его родитѣ можно найти и въ напечатанныхъ его произведенiяхъ, особенно въ «Евгенiи Онѣгинѣ».

Сличенiе «Матеріаловъ» г. Анненкова съ тѣми матеріалами для биографiи Пушкина, которыми онъ не воспользовался, и дополненiе родо-

(*) Письмо это сообщено въ кони К. Н. Б—мъ также, какъ и гдѣ изъ приведенныхъ ниже писемъ поэта, при которыхъ не указаны источники.

словной поэта по названнымъ источникамъ повлекло бы насъ слишкомъ-далеко. Притомъ подобная разработка есть уже дѣло не критики, а біографіи, и потому, предоставляя этотъ трудъ будущему біографу Пушкина, переходимъ къ описанію дѣтства и воспитанія поэта.

Въ числѣ лицъ, лелѣвшихъ дѣтство Пушкина, особенно-замѣчательна его няня, извѣстная Ирина Родіоновна, имѣвшая большое вліяніе на первоначальное воспитаніе своего питомца. Г. Анненковъ въ немногихъ словахъ очень-живо очертилъ трогательныя отношенія къ ней Пушкина. «Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворной строгостью, оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее (няню) родственною, неизмѣнною любовью, и въ годы возмужалости и славы бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ какъ-нельзя-короче, и передавала она его чрезвычайно-оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны. Можно сказать съ увѣренностью, что онъ обязанъ своей нянѣ первымъ знакомствомъ съ источниками народной поэзіи и впечатлѣніями, которыя, однакожъ, были замѣтно ослаблены послѣдующимъ воспитаніемъ. Въ числѣ писемъ къ Пушкину почти отъ всѣхъ знаменитостей русскаго общества находятся и записки отъ старой няни, которыя онъ берегъ наравнѣ съ первыми» («Матеріалы», стр. 4). Разказы Ирины Родіоновны не разъ служили основаніемъ для произведеній Пушкина. Въ бумагахъ его сохранились семь сказокъ, записанныхъ со словъ его няни, изъ которыхъ три послужили основой для сказокъ о царѣ Салтанѣ, о мертвой царевнѣ и о купцѣ Остолопѣ, а одна для сказки Жуковскаго о царѣ Берендеѣ, и находятся въ числѣ приложений къ «Матеріаламъ» (Приложеніе II, стр. 437 — 441). Великій поэтъ «отзывался о нянѣ какъ о послѣднемъ своемъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго французскаго воспитанія» («Матеріалы», стр. 119). Дѣйствительно, своимъ близкимъ знакомствомъ съ народными повѣрьями и русскимъ сказочнымъ міромъ поэтъ прежде всего обязанъ своей нянѣ, о чемъ будемъ имѣть случай говорить еще впослѣдствіи, по поводу эпическихъ произведеній Пушкина. Какое трогательное обращеніе къ ней составляетъ слѣдующій отрывокъ, впервые-напечатанный въ изданіи г. Анненкова:

«Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ,

И медлять поминутно спицы
 Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
 Глядишь въ забытыя ворота
 На черный, отдаленный путь:
 Тоска, предчувствіе, заботы
 Тѣснятъ твою всечасно грудь...» (Стр. 5).

Уваженіе Пушкина къ Иринѣ Родионовнѣ, къ которой онъ не разъ обращался въ своихъ произведеніяхъ, было раздѣляемо и другимъ поэтомъ, Языковымъ. Въ посланіи *Къ нянь А. С. П—а* (въ которомъ она названа *Васильевной*, быть-можетъ, для размѣра) Языковъ воспоминаетъ о разсказахъ старушки:

«Ты занимала насъ, добра и весела,
 Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ:
 Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
 Мы вѣрили тебѣ, и смѣхъ не прерывалъ
 Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
 Свободно говорилъ языкъ словоохотный,
 И легкіе часы летали беззаботно.»

Въ стихотвореніи *На смерть няни А. С. П—а* Языковъ говоритъ, что она не умереть въ преданіяхъ о нашихъ поэтахъ, и возвращается къ тѣмъ же воспоминаніямъ:

«Насъ, полныхъ юности и вольныхъ,
 Тамъ было трое: два пѣвца,
 И онъ, краса ночей застольныхъ,
 Кипѣвшій силами бойца... (*);

Вонъ тамъ — обоями худыми
 Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
 Полъ нечиненный, два окна
 И дверь стеклянная межъ ними;
 Диванъ подъ образомъ въ углу
 Да пара стульевъ; столъ украшень
 Богатствомъ винъ и сельскихъ брашень,
 И ты, пришедшая къ столу!

Мы пировали. Не дичилась
 Ты нашей доли — и порой
 Къ своей веснѣ переносилась
 Разгоряченною мечтой;
 Любила слушать наши хоры,
 Живые звуки чуждыхъ странъ,
 Рѣчей напоры и отпоры,
 И звонъ стакана о стаканъ.»

(*) Товарищъ Языкова по Дерптскому Университету, А. Н. Вульфъ.

Г. Анненковъ возвращается еще къ этой замѣчательной личности на стр. 119—120-й «Матеріаловъ» по поводу разсказовъ Ирины Родіоновны, такъ художественно воспроизведенныхъ ея питомцемъ. Замѣтимъ кстати, что г. Анненковъ въ своемъ трудѣ недостаточно группируетъ факты: не кончивъ говорить объ одномъ предметѣ, онъ переходитъ къ другому, и снова, не исчерпавъ его вполне, начинаетъ другое, или возвращается къ прежнему разсказу. На первыхъ пяти страницахъ біографіи встрѣчаются два такіе примѣра. Упомянувъ только о Ганнибалѣ въ родословной поэта, авторъ переходитъ къ другимъ его предкамъ, и возвращается къ Ганнибалу только по поводу сочиненій Пушкина, при любопытномъ объясненіи процесса его творчества, гдѣ это отступленіе несовѣсьмъ-умѣстно. Точно также разсказъ объ Иринѣ Родіоновнѣ прерывается въ самомъ началѣ, и авторъ дорисовываетъ эту замѣчательную личность впоследствии, говоря объ образѣ жизни поэта и о его авторскихъ приемахъ. Это отсутствіе строгаго плана и нѣкоторая отрывочность изложенія тѣмъ болѣе замѣтны, что авторъ не позаботился объ оглавленіи написанной имъ біографіи, не раздѣлил ея на главы, и вообще не сдѣлалъ ничего, чтобъ облегчить читателямъ изученіе своего любопытнаго труда и доставить болѣе удобства для справокъ.

Но возвращаемся къ разсмотрѣнію «Матеріаловъ».

Описывая мѣстность села Захарова (въ сорока верстахъ отъ Москвы), въ которомъ Пушкинъ провелъ часть своего дѣтства, г. Анненковъ приводитъ свидѣтельство одного путешественника, именно г. Макарова (стр. 6), ссылаясь на статью его въ «Москвитяинѣ» 1851 года. Статья эта принадлежитъ не г. Макарову, а Н. В. Бергу, и называется *Сельцо Захарово*. М. Н. Макарову принадлежитъ статья о дѣтствѣ Пушкина въ «Современникѣ» 1843 года (№ 3). «Матеріалы» г. Анненкова не сообщаютъ ничего новаго о дѣтствѣ поэта, которое уже подробно описано въ двухъ статьяхъ г. Бартенева, названныхъ выше. Жаль, что г. Анненковъ не хотѣлъ ими воспользоваться! Г. Бартеневъ сообщаетъ, между-прочимъ, въ обѣихъ своихъ статьяхъ, со словъ П. В. Нащокина, слѣдующій характеристическій анекдотъ, котораго не находимъ у г. Анненкова: «Въ Захаровѣ жила у нихъ въ домѣ одна дальняя родственница, молодая помѣшаная дѣвушка, помѣщавшаяся въ особой комнатѣ. Говорили и думали, что ее можно вылечить испугомъ. Разъ ребенокъ—Пушкинъ ушелъ въ рощу, гдѣ любилъ гулять: расхаживалъ, воображалъ себя богатыремъ, и палкою сбивалъ верхушки и головки растений. Возвращаясь домой, видитъ онъ на дворѣ свою сумасшедшую родственницу, въ бѣломъ платьѣ, растрепанную, встревоженную. «Mon frère, on me prend pour un incendie», кричитъ она ему. Дѣло въ томъ, что, для испуга; въ окно ея комнаты провели кишку пожарной трубы. Тотчасъ догадавшись, Пушкинъ спокойно и съ любовью началъ увѣрять ее, что она напрасно такъ думаетъ, что

ее сочли не за пожаръ , а за цвѣтокъ , что цвѣты также изъ трубы поливають». («Московскія Вѣдомости» 1854, № 71, стр. 292).

Лицейская жизнь Пушкина изложена у г. Анненкова несомнѣнно-удовлетворительно, особенно если сравнить эту часть «Матеріаловъ» со второю главою біографіи Пушкина, начатой г. Бартедьевымъ («Московскія Вѣдомости» 1854 г.). Г. Бартедьевъ справедливо говоритъ, что Лицей подѣйствовалъ на умъ Пушкина, «сообщивъ его мыслямъ опредѣленное направленіе, и на сердце, давъ возможность рано развиться нѣжнымъ склонностямъ дружбы, чувствамъ чести и товарищества, однимъ словомъ, онъ вполне раскрылъ все его способности», и потому г. Бартедьевъ весьма-основательно считалъ себя обязаннымъ «поговорить о Лицеѣ сколько возможно подробно». Въ статьѣ г. Бартедьева дѣйствительно заключается множество любопытныхъ подробностей о лицейскомъ воспитаніи Пушкина, подробностей, которыхъ не находимъ у г. Анненкова. Вообще вторая глава труда г. Бартедьева, несмотря на то, что явилась нѣсколько мѣсяцевъ ранѣ «Матеріаловъ» г. Анненкова, могла бы служить любопытнымъ къ нимъ дополненіемъ.

Но если «Матеріалы» г. Анненкова не представляютъ полного собранія всехъ напечатанныхъ матеріаловъ и указаній для біографіи поэта, за-то они представляютъ много неизданнаго, въ высшей степени любопытнаго и проливающаго совершенно-новый свѣтъ на жизнь и дѣятельность Пушкина. Вообще, немногіе изъ біографовъ имѣли возможность пользоваться для своего труда такими богатыми данными, какъ г. Анненковъ, и потому необыкновенный интересъ и совершенная новизна нѣсколькихъ страницъ «Матеріаловъ» вполне выкупаютъ нѣкоторую неполноту ихъ въ бібліографическомъ отношеніи. Эта новизна фактовъ, поражающая вниманіе читателя во многихъ мѣстахъ біографіи, замѣчательна и въ описаніи лицейской жизни Пушкина. Кромѣ нѣсколькихъ стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ тому времени, г. Анненковъ приводитъ найденные въ бумагахъ поэта отрывки его автобіографіи. Одинъ изъ нихъ (стр. 20) представляетъ только *программу записокъ* Пушкина, несохранившую никакихъ подробностей, но заключающую въ себѣ множество указаній и намековъ, безъ-сомнѣнія, еще понятныхъ для товарищей и современниковъ Пушкина и способныхъ возбудить въ нихъ многія воспоминанія о томъ времени. Для позднѣйшаго потомства многое въ этой программѣ совершенно непонятно и будетъ навсегда потеряно для читателей, если трудъ г. Анненкова не вызоветъ кого-нибудь изъ современниковъ поэта подѣлиться съ публикой своими драгоценными воспоминаніями. Другой любопытный документъ, приведенный г. Анненковымъ, есть *Отрывокъ изъ записокъ Пушкина*, веденныхъ имъ въ Лицеѣ (стр. 22, 23, 25 — 27). Этотъ отрывокъ посвящаетъ насъ въ тайны новаго міра, который только-что открывался для ума и сердца даровитаго юноши. Въ немъ мы находимъ все,

что занимало пятнадцатилѣтнаго поэта: его первыя литературныя сужденія, высказанныя съ юношескою прямою по поводу комедій кн. Шаховскаго, возбуждавшихъ въ то время большіе споры, планы будущихъ литературныхъ занятій, въ которыхъ высказывались уже направленіе и потребность литературной дѣятельности, и рядомъ съ этими стремленіями — дѣтскія шалости, надъ которыми даже и въ то время смѣялся самъ Пушкинъ.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ этихъ любопытныхъ записокъ: «10 декабря. Вчера написалъ я третью главу: *Фатама* или *разумъ человеческій*, читалъ ее С. С. (вѣроятно С. С. Фролову, бывшему съ 1814 — 16 надзирателемъ по учебной и нравственной части, а съ 1816 — 17 инспекторомъ Лицея), и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчки и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ жизнь Вольтера.

«Началъ я комедію — не знаю кончу ли ее. Третьягодня хотѣлъ я написать проическую поэму *Игорь и Ольга*...

«Лѣтомъ напишу я *Картину Царскаго Села*.

1. Картина сада.
2. Дворецъ. День въ Ц. С.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Царскаго Села.

«Вотъ главные предметы всѣдневныхъ моихъ записокъ—но это еще будущее». (Стр. 23).

Въ этой коротенькой программѣ, неимѣющей отдѣльно значенія, уже высказались литературныя приемы Пушкина, съ которыми такъ хорошо знакомитъ своихъ читателей г. Анненковъ, и о которыхъ будетъ еще сказано ниже. Великій поэтъ, даже и въ годы полного развитія своего таланта, не оставлялъ этого способа, который служилъ указателемъ пути для его вдохновенія, и чѣмъ болѣе онъ овладѣвалъ вдохновеніемъ, тѣмъ менѣе отступалъ отъ предначертаннаго плана. Весьма вѣроятно, что программа, приведенная выше, имѣла своимъ послѣдствіемъ знаменитыя *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, читанныя поэтомъ на лицейскомъ экзаменѣ въ присутствіи Державина, хотя со второй же строки Пушкинъ отступилъ отъ программы и забылъ о предполагаемыхъ описаніяхъ, отдавшись лирическому одушевленію при воспоминаніяхъ о славныхъ подвигахъ екатериненскихъ героевъ. Быть-можетъ также, что программа, какъ полагаетъ г. Анненковъ, «могла служить продолженіемъ» этого стихотворенія. (На отрывкѣ «Записокъ» не выставлено года, почему и нельзя сказать положительно, въ какомъ отношеніи находится программа къ стихотворенію, которое уже въ 1815 году было напечатано). Но какая изумительная дѣятельность въ эти годы! Пятнадцатилѣтній мальчикъ пишетъ романъ, начинаетъ комедію, обдумываетъ

ваетъ героическую и описательную поэмы и, кромѣ того, находитъ еще время для серьёзнаго чтенія, и для школьныхъ шалостей. Въ уцѣлѣвшихъ листкахъ «Записокъ» Пушкина, занятыхъ ученическими куплетами, намеки и значеніе которыхъ могутъ быть объяснены только сверстниками поэта, есть отрывокъ, свидѣтельствующій, что ему уже были знакомы волненія и восторги первой любви. Вотъ этотъ отрывокъ, замѣчательный, какъ первое выраженіе страсти, созданной мечтательнымъ воображеніемъ и высказанной съ дѣтскою сентиментальностью:

«И такъ я щастливъ былъ и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ ушивался!...

И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались лѣтомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,

И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!...»

«Я щастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ щастливъ; поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненіемъ стоя подѣ окошкомъ, «смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ее не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду; вдругъ, нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ... «сладкая минута!..

«Онъ пѣлъ любовь, но былъ печалень гласъ.

Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!

Жуковский».

«Какъ она мила была! Какъ черное платье пристало къ милой Б!..

«Я былъ щастливъ 5 минутъ!» (Стр. 25—26).

Литографическій снимокъ съ этихъ строкъ находится въ числѣ приложеній къ біографіи поэта (прилож. I).

Лицейскія элегіи Пушкина безъ-сомнѣнія имѣютъ близкое отношеніе къ приведенному отрывку и выражаютъ тѣ же первыя тревоги поэтической души, основаніемъ которыхъ было не дѣйствительное событіе, не настоящая страсть, но юношеская мечтательность, которая вызываетъ неясныя жалобы, опережающія дѣйствительность.

Въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ поэтъ не разъ возвращается къ этимъ сладостнымъ воспоминаніямъ молодости и лицейской жизни. Между ними особенно-замѣчательны, если не въ художественномъ, то въ автобіографическомъ отношеніи, по искренности, съ которою поэтъ изображаетъ самъ себя, слѣдующія двѣ строфы изъ VIII пѣсни «Евгенія Онѣгина», впервые-являющіяся въ своемъ первобытномъ видѣ въ «Матеріалахъ»:

I.

«Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,

Читалъ охотно Елисея (*),
 А Цицерона проклиналъ.
 Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
 Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой,
 Считалъ схоластику за вздоръ
 И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
 Когда порой бывалъ прилежень,
 Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
 Порой лукавъ, порою прямъ,
 Порой смиренъ, порой мятеженъ,
 Порой печаленъ, молчаливъ,
 Порой сердечно говорливъ;

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
 Порой тералъ я взоръ и слухъ,
 И говорить старался басомъ,
 И стригъ надъ губой первый пухъ —
 Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
 Замѣтилъ я черты живыя
 Прелестной дѣвы, и любовь
 Младую взволновала кровь,
 И я, тоскуя безнадежно,
 Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
 Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
 Объ ней задумывался нѣжно,
 Весь день минутной встрѣчи ждалъ
 И щастье тайныхъ мукъ узналъ...» (Стр. 40).

Въ другомъ стихотвореніи Пушкина, также впервые явившемся въ изданіи г. Анненкова, воспоминанія дѣтства и юности принимаютъ вполне-художественные образы, поразительные своимъ величественнымъ спокойствіемъ и простотою:

«Наперсница волшебной старины,
 Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ —
 Тебя я зналъ во дни моей весны,
 Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
 Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
 Являлась ты веселою старушкой,

(*) *Елисей, или раздраженный Вакхъ*, шуточная поэма Василя Майкова, которую восхищался Пушкинъ. Свое сужденіе объ этой поэмѣ онъ высказалъ въ письмѣ отъ 13 июня 1823 г., вызванномъ статью въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 г. о старой и новой русской словесности и частью напечатанномъ въ «Современникѣ» 1854 года (№ I).

И надо мной сидѣла въ шумѣ,
 Въ большихъ очахъ и съ рѣзвою гремяшкой.
 Ты, дѣтскую качая колыбель,
 Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
 И межъ пеленъ оставила свирѣль,
 Которую сама заворожила!
 Младенчество прошло какъ легкій сонъ,
 Ты отрока безпечнаго любила —
 Средь важныхъ Музъ тебя лишь помнилъ онъ
 И ты его тихонько постѣтила.
 Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
 Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
 Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
 Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
 Покровъ, клубясь волною непослушной,
 Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушный.
 Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
 Прелестная глава благоухала,
 Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
 Румянилась и тихо трепетала...»

Возвращаясь отъ воспоминаній поэта къ его биографіи, замѣтимъ, что въ «Матеріалахъ» весьма-обстоятельно указаны лицейскія стихотворенія Пушкина, изъ которыхъ очень-многія пропущены въ посмертномъ собраніи его сочиненій. Всѣ эти стихотворенія уже были указаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 года, гдѣ объяснены и лицейскіе псевдонимы поэта, и потому, не останавливаясь на нихъ, въ избѣжаніе повтореній, скажемъ лучше нѣсколько словъ о лицейскомъ литературномъ обществѣ, о которомъ вообще сохранилось мало извѣстій.

Сочувствіе къ литературѣ обнаруживалось съ самаго начала курса и составляло характеристическую черту лицейскаго воспитанія. Между воспитанниками образовалось литературное общество, цѣлью котораго были литературныя бесѣды, а также изданіе (въ своемъ кругу) и оцѣнка своихъ сочиненій. Центромъ и душою этого общества былъ Пушкинъ, писавшій стихи еще до поступленія въ Лицей и усвоившій себѣ разнообразнымъ чтеніемъ знакомство съ русскою и особенно французскою литературою. Вторымъ поэтомъ послѣ Пушкина считался Илличевскій, многочисленныя эпиграммы котораго доставили ему въ кружкѣ товарищей извѣстность остряка (*). За Пушкинымъ и Илличевскимъ во мнѣніи ихъ товарищей стояли Дельвигъ и Корсаковъ. Кромѣ названныхъ лицъ, изъ которыхъ уже ни одного не осталось въ живыхъ, участіе въ лицейскомъ литературномъ обществѣ принимали М. А. Яковлевъ, сочи-

(*) Стихотворенія его изданы въ 1827-мъ году подъ заглавіемъ: «Опыты въ антологическомъ родѣ».

нявшій и стихи и музыку къ стихамъ своихъ товарищей, князь Л. М. Горчаковъ, С. Г. Ломоносовъ, Д. Н. Масловъ и покойные Вальховскій и Есаковъ. Доказательствомъ дѣятельности общества служатъ изданные имъ журналы, изъ которыхъ г. Анненковъ называетъ четыре: *Лицейскій Мудрецъ*, *Для удовольствія и пользы*, *Неопытное перо* и *Пловцы* (стр. 19). Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ сообщаемъ нѣсколько словъ о лицейскихъ журналахъ, переданныя намъ М. Л. Яковлевымъ.

Въ 1812 году явился два журнала: *Для удовольствія и пользы* и *Неопытное перо*. Оба они выходили ежемѣсячно, и въ-теченіе года явилось 12 книжекъ каждаго журнала, всего же 24 книжки въ-теченіе года. Какая изумительная дѣятельность для двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, находившихъ время и для занятій науками! Издателями и участниками журнала *Для удовольствія и пользы* были: князь А. М. Горчаковъ, Д. Н. Масловъ, М. А. Яковлевъ, Илличевскій, Вальховскій и Есаковъ. Издателями и участниками *Неопытнаго пера* были: Пушкинъ, Дельвигъ и Корсаковъ. Въ 1813 году явился журналъ *Пловцы*, издававшійся Пушкинымъ, Дельвигомъ, Илличевскимъ и М. Л. Яковлевымъ. Но такъ-какъ литературныя занятія воспитанниковъ отвлекали ихъ отъ занятій другими обязательными предметами, то изданіе журналовъ было прекращено въ 1813 году, и изданіе «Пловцовъ» ограничилось тремя нумерами. Журналъ *Лицейскій Мудрецъ* выходилъ, однакожь, тетрадями до 1816 года. Всѣ эти журналы, какъ уже было напечатано, давно пропали. Г. Бартенева сообщаетъ по преданію, что былъ еще лицейскій журналъ *Сверчокъ* («Московскія Вѣдомости» 1854), но за достовѣрность этого свѣдѣнія не ручаемся.

Изъ наставниковъ Лицея, которымъ было ввѣрено воспитаніе юношей, нѣкоторые поощряли въ нихъ страсть къ литературнымъ занятіямъ, другіе же, напротивъ, старались удерживать ихъ отъ этихъ преждевременныхъ стремленій къ авторству, положительно-вредившихъ ученію. И тѣ, и другіе были отчасти правы. Къ числу первыхъ принадлежалъ любимый всѣми губернёръ и учитель рисованія, умершій, нѣсколько лѣтъ назадъ, Сергѣй Гавриловичъ Чириковъ (у г. Анненкова онъ названъ С. Л. Ч., стр. 17), посвятившій всю жизнь добросовѣстному исполненію своего призванія. У него нерѣдко бывали литературныя собранія лицестовъ, и, по свидѣтельству г. Бартенева, («Московскія Вѣдомости» 1854) въ его гостиной, надъ диваномъ долго сохранялось нѣсколько написанныхъ на стѣнѣ Пушкинымъ шуточныхъ стиховъ, въ которыхъ говорилось о бывшихъ у Чирикова литературныхъ собраніяхъ. Въ бумагахъ Сергѣя Гавриловича нашлось посланіе къ нему Пушкина, писанное въ 1815 году. Посланіе это составляетъ съ нѣкоторыми переѣмами конецъ лицейскаго стихотворенія *Измѣны* (т. II, стр. 57 — 60). Представляемъ его читателямъ:

«Послание къ С....ю Г.....у Ч.....»

Тщетно вздыхаетъ
 Бѣдный пѣвецъ...
 Нѣтъ! не встрѣчаетъ
 Мукамъ конецъ.
 Такъ до могилы
 Вѣчно унылый
 Цѣпи влачи;
 Терномъ увитый,
 Счастьемъ забытый
 Крова ищи.»

Между наставниками Лицея нѣкоторые смотрѣли менѣе-снисходительно на эту страсть къ стихотворству и старались ей противодействовать. Самымъ строгимъ цѣнителемъ юношескихъ литературныхъ попытокъ былъ профессоръ русской и латинской словесности Н. О. Кошанскій, о которомъ упоминаетъ и г. Анненковъ (стр. 19). Строгость его сужденій, поселявшая въ молодомъ Пушкинѣ недовѣріе къ собственнымъ его силамъ, не разъ выражавшееся въ его лицейскихъ стихотвореніяхъ, особенно огорчало молодого поэта. Въ посланіи къ Дельвигу, напечатанномъ въ изданіи г. Анненкова и въ первоначальномъ и въ совершенно-передѣланномъ видѣ (т. II, стр. 161 — 163) Пушкинъ говоритъ, что онъ въ юности встрѣтилъ клевету, вражду и зависть, что онъ оставляетъ и лиру, и вѣнецъ, и обрекаетъ себя бездѣйствію и забвенью. Въ примѣчаніяхъ издатель говоритъ, что въ посланіяхъ къ Дельвигу жалобы автора на зависть и клевету «совсѣмъ неизъяснимы, да можетъ-быть и тогда не имѣли основанія» (т. II, стр. 184). Мы полагаемъ, что эти жалобы объясняются вышеупомянутою строгостью сужденій, въ которой поэтъ видѣлъ только недоброжелательство. Сомнѣнія, тревожившія молодого Пушкина, опредѣлительнѣе высказаны въ слѣдующемъ неизданномъ стихотвореніи Дельвига. Стихотвореніе это, найденное нами въ бумагахъ Дельвига— отвѣтъ на посланіе къ нему, сейчасъ упомянутое:

«Къ А. С. Пушкину.

«Какъ? житель гордыхъ Альпъ надъ бурями парящій,
 Кто кроетъ солнца ликъ развернутымъ крыломъ,
 Услыша подъ скалою ехидны свистъ шипящій,
 Раздвинувъ когти врознь и оставляетъ громъ?»

Тебѣ ль, молодой вѣщунъ, любимецъ Аполлона,
 На лиру звучную потокомъ слезы лить,
 Дрожать предъ завистью, и подъ косою Крова
 Склоняся, даръ небесъ въ безвѣстности укрыть?»

Т. С. — Отд. III.

Нѣтъ, Пушкинъ, рокъ пѣвцовъ — безсмертье, не забвенье!
 Пускай Арменіусъ, ученьемъ напыщенъ,
 Въ архивахъ роется и пишетъ разсужденъ,
 Пусть въ академіяхъ почетный будетъ членъ;

Но вмѣстѣ съ нимъ умрутъ его творенья!
 Ему ли быть твоихъ гонителемъ даровъ?
 Брось на него ты взоръ, взоръ грознаго презрѣнья,
 И въ малый сонмъ вступи божественныхъ пѣвцовъ.

И радостно тебѣ за Стиксомъ ~~трещать~~ ~~лиры~~,
 Когда отяготишь собою ты молву;
 И я, простой пѣвецъ Либера и Темиры,
 Предъ Фебомъ преклоня молящую главу,

Съ благоговѣніемъ ему возгугу куренье,
 И воспую: «Хвала, кто съ нѣжною душой,
 «Тобою посвященъ, о Фебъ, на пѣснопѣнье,
 «За гениемъ своимъ прямой идетъ стезей!

«Что зависть, передъ нимъ ползущая змѣю,
 «Когда съ богами онъ пируетъ въ небесахъ?
 «Съ гремящей лирою, съ любовью молодою
 «Онъ Крона быстро и не узритъ въ мечтахъ.

«Но невзначай къ нему въ обитель постучится
 «Затѣйливый Эротъ младенческой рукой,
 «Хоръ Смѣховъ и Харитъ въ приютъ пѣвца слетится,
 «И слава съ громкою трубой.»

Вообще Дельвигъ, какъ доказываютъ его напечатанныя стихотворенія, прежде другихъ открылъ и оцѣнилъ дарованіе Пушкина, и предсказалъ своему другу ожидавшую его славу. Въ другомъ неизданномъ стихотвореніи *На смерть Державина*, Дельвигъ обращается къ Пушкину, какъ къ законному наслѣднику дарованія знаменитаго лирика. Вотъ это обращеніе:

«Кто жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирой? Кто, Пушкинъ?
 Кто пламенный, избранный Зевсомъ еще въ колыбели, счастливецъ,
 Въ порывѣ прекрасной души ее свѣжимъ вѣнкомъ увѣнчаеетъ?
 Молися Каменамъ! и я за друга молю васъ, Камени!
 Любите младаго пѣвца, охраняйте невинное сердце,
 Зажгите возвышенный умъ, ~~открывайте~~ юные персты!...»

Впрочемъ, строгіе приговоры недолго тревожили и волновали Пушкина. Сознавъ свое дарованіе, онъ сдѣлался къ нимъ равнодушенъ и рассуждалъ о нихъ очень-хладнокровно, какъ доказываетъ посланіе *Моему Аристарху*, впервые-напечатанное въ изданіи г. Анненкова (т. II, стр. 101—104). Въ примѣчаніи къ по-

сланію, любопытномъ по отрывкамъ изъ другаго неизданнаго стихотворенія Пушкина, издатель говоритъ, что это посланіе «составляетъ какъ-бы продолженіе посланія къ Дельвигу 1815 г. («Послушай Музъ «невинныхъ»»). Мы указываемъ на него опять, какъ біографическій матеріалъ. Взглядъ автора на свое дарованіе, обычныя, любимыя его «чтенія, образцы, взятые имъ для себя (,) и наконецъ участіе Дельвига въ его поэтическомъ образованіи — выражаются очень ясно» (т. I, стр. 148). Позволимъ себѣ замѣтить, что это мнѣніе несправедливо: Пушкинъ, конечно, не могъ называть Дельвига, самаго восторженнаго поклонника его музы, своимъ гонителемъ, угрюмымъ цензоромъ и скучнымъ проповѣдникомъ, и упрекать его въ сухой учености. Посланіе это дѣйствительно имѣетъ по содержанію нѣкоторую связь съ посланіемъ къ Дельвигу, но относится не къ нему, а къ Н. Ѳ. Кошанскому, что доказывается самимъ стихотвореніемъ, которое и представляемъ на сужденіе читателей:

«Моему Аристарху.

«Помилуй, трезвый Аристархъ,
 Моихъ бакхическихъ посланій!
 Не осуждай моихъ мечтаній
 И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ.
 Плоды веселаго досуга
 Не для безсмертья рождены,
 Но развѣ такъ бережены
 Для самого себя, для друга,
 Да для Темиры молодой.
 Помилуй, сжался надо мной!
 Я знаю самъ свои пороки,
 Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
 Твоей учености сухой.
 Конечно, бѣденъ геній мой:
 За рифмой часто холостой,
 На зло законамъ сочетанья,
 Бѣгутъ трѣхстопианѣ толпой
 На *аю*, *аеть* и на *ой*.
 Еще немногія признанья:
 Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
 Для мѣры, рифмы, восклицанья,
 Для смысла, лишнѣхъ три стиха;
 Не хорошо; но оправданья
 Позволь мнѣ скромно принести:
 Мои летучія посланья
 Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
 Не думай, цензоръ мой угрюмый,
 Что, лѣнью жертвуя стихамъ,

Объятый стихотворной думой,
 Встаю... бѣснуюсь по ночамъ;
 Что засвѣтивъ свою лампаду,
 Едва дыша, нахмури взоръ,
 За вѣрный столъ кряхтя засяду,
 Сижу, сижу три ночи сряду,
 И высижу трехстопный вздоръ...
 Такъ пишеть (молвить не въ укоръ)
 Конюшій дряхлаго Пегаса,
 Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
 Служитель старенькій Парнасса,
 Родитель старенькихъ стиховъ,
 И одъ неслишкомъ громозвучныхъ,
 И сказочекъ довольно-скучныхъ!..
 ;

Но знаешь ли, о мой гонитель!
 Какъ я бесѣдую съ тобой?
 Безпечный Пинда посѣтитель
 Я съ Музой пѣжусь молодой...
 Ужь утра яркое свѣтило
 Поля и рощи озарило;
 Давно пропѣли пѣтухи;
 Въ полглаза дремля и зѣвая,
 Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
 Пишу короткіе стихи
 Среди пріятнаго забвенья,
 Склонясь въ подушку головой,
 И въ простотѣ, безъ украшенья,
 Мои слагаю извиненья
 Немного-сопною рукой,
 Подъ стѣнью лѣни неизвѣстной:
 Такъ пѣжился пѣвецъ прелестный,
 Когда Веръ-Вера воспѣвалъ,
 Или съ улыбкой рисовалъ,
 Въ непринужденномъ упоеньи,
 Уединенный свой чердакъ.
 Въ такомъ лѣнливомъ положеньи,
 Стихи текутъ и такъ и сякъ.
 Возможно ли въ свое творенье,
 Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
 Тогда вѣсрать холодный умъ,
 Отдѣлкой портить небылицы,
 Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ,
 И сокращать свои страницы?

 Нашъ другъ Шамфоръ, Шолье, Парни,
 Враги труда, заботъ, печали,

Не такъ, бывало, въ прежни дни
 Своихъ любовницъ воспѣвали.
 О вы, любезные пѣвцы,
 Сыны безопасности лѣнливой!
 Давно вамъ отданы вѣнцы
 Отъ Музы праздности счастливой,
 Но не блестяще дары
 Поэзіи трудолюбивой!
 На верхъ Эссальскія горы
 Вели вась тайные извивы;
 Веселыхъ Грацій персть игривый
 Младья лиры оживлялъ,
 И ваши челы обвивалъ
 Дѣтей паѳосскихъ рой шумливый.
 И я, неопытный поэтъ,
 Небрежный вашихъ рифмъ наслѣдникъ,
 За вами крадуся во слѣдъ...
 А ты, мой скучный проповѣдникъ,
 Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ!
 Поди, кричи, брани другаго,
 И брось лѣнливца молодаго,
 Объ немъ тихонько пожалѣвъ.»

Выпускъ изъ Лицея и торжественный актъ описаны у г. Бартевева подробнѣе, чѣмъ у г. Анненкова...

Мы не безъ намѣренія старались обратить особенное вниманіе читателей на лицейскую жизнь поэта. Въ эти годы возникло, опредѣлилось и возросло его дарованіе, и потому вліяніе ихъ отразилось на всей дѣятельности Пушкина. Между-тѣмъ, объ этой порѣ его жизни сохранилось несравненно-менѣе воспоминаній, чѣмъ о позднѣйшихъ годахъ. Изъ наставниковъ поэта остались въ живыхъ весьма-немногіе; кружокъ его товарищей также рѣдѣетъ; число свидѣтелей юности Пушкина становится меньше-и-меньше, и потому слѣдуетъ, пока еще можно, заботиться о сохраненіи всего, чтò можетъ прибавить хотя одну лишнюю черту къ описанію его юношескихъ лѣтъ.

Разсматривая далѣе замѣчательный трудъ г. Анненкова, считаемъ не лишнимъ предупредить читателей, что въ предлагаемой статьѣ будемъ слѣдить только за біографическими данными, предлагаемыми собрателемъ «Матеріаловъ», не касаясь пока въ высшей степени любопытныхъ подробностей творческаго процесса Пушкина. Объ этой, совершенно-новой, нетронутой сторонѣ біографіи поэта, мы будемъ говорить еще въ слѣдующихъ статьяхъ, излагая исторію его произведеній и отношенія къ нимъ журнальной критики; теперь же разсмотримъ нѣкоторыя подробности, сообщенныя г-мъ Анненковымъ, собственно о жизни великаго поэта.

Подробныя біографіи писателей стали являться въ нашей литературѣ недавно. Фактъ утѣшительный: онъ доказываетъ, что литература составляетъ для насъ уже не только полезное препровожденіе времени, или праздную забаву, но и предметъ, достойный изученія и народной гордости. Въ каждой сферѣ общественнаго развитія, оглядка на свое прошедшее всегда была слѣдствіемъ сознанія собственного достоинства, и чѣмъ глубже это сознаніе, тѣмъ сильнѣе уваженіе къ прошедшему, тѣмъ поучительнѣе исторія. Въ одной изъ своихъ многочисленныхъ рукописныхъ замѣтокъ, напечатанныхъ г. Анненковымъ, Пушкинъ оставилъ доказательство своей горячей симпатіи къ историческимъ изысканіямъ. «Образованный французъ или англичанинъ (замѣчаетъ Пушкинъ) дорожить строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго...» («Матеріалы», стр. 148). Подобно тому, какъ исторія народа является вслѣдствіе сознанія его силы и политическаго значенія, исторія литературы становится слѣдствіемъ сознанія умственнаго и эстетическаго развитія общества; и чѣмъ глубже это сознаніе, чѣмъ болѣе причинъ, пытающихъ эту благородную гордость, тѣмъ любопытнѣе и подробнѣе исторія умственной жизни... Вообще мѣриломъ сознательнаго, разумнаго сочувствія къ литературѣ можетъ служить степень развитія ея исторіи, а исторія возможна только при дѣятельномъ собираніи и обнародованіи матеріаловъ и обстоятельномъ изученіи дѣятельности отдѣльных личностей...

Слѣдя за своимъ героемъ уже за порогомъ Лицея, составитель «Матеріаловъ» сообщаетъ весьма-интересныя свѣдѣнія о литературныхъ обществахъ, въ которыхъ принималъ участіе молодой Пушкинъ. Первое изъ нихъ было *Арзамасъ*, имѣвшее цѣлью противодѣйствіе другому литературному обществу, существовавшему подъ именемъ *Бесѣды любителей Россійскаго Слова*. Въ Арзамасѣ, составлявшемъ свою веселостью и дружествомъ рѣзкую противоположность торжественности и важности Бесѣды Любителей, всѣ члены имѣли особыя прозванія. Пушкина называли *Сверчокъ*, и подъ этимъ псевдонимомъ (Св. ч к.) онъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» 1818 года посланіе *Мечтателю*. Подробности, сообщаемыя г. Анненковымъ объ этомъ обществѣ, и свѣдѣнія объ Арзамасѣ въ «Мелочахъ изъ запаса памяти» М. А. Дмитриева могутъ служить другъ другу взаимнымъ дополненіемъ. Отношенія Арзамаса къ другимъ литературнымъ обществамъ (стр. 51 и 53) изложены очень-хорошо и вѣрно. Къ сказанному г. Анненковымъ о литературныхъ обществахъ прибавимъ, что Общество Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія, издававшее труды свои періодически подъ названіемъ «Соревнователь» и считавшее въ числѣ своихъ членовъ почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ, не удостоило этой чести Пуш-

кина. Его не разъ предлагали въ члены общества, но многіе противились его избранію, въ томъ числѣ и предѣдатель общества, оправдывавшій опасенія сочленовъ и, можетъ-быть, свои собственныя, тѣмъ, что только овцы собираются въ стада, левъ же ходитъ всегда одинъ. Замѣтимъ также, что изъ пяти стихотвореній Пушкина, явившихся въ «Соревнователь» и названныхъ г. Анненковымъ (стр. 53), *Посланіе Императрицѣ Елизаветѣ* пропущено въ его изданіи.

Всѣ эти общества, официальные и неофициальные, возникшія въ самое короткое время, существовали весьма-недолго. Г. Анненковъ совершенно-справедливо замѣчаетъ, что причина паденія ихъ—распространеніе литературнаго образованія. «Они уничтожены были (говоритъ авторъ) столько же временемъ, сколько и распространеніемъ круга писателей, вслѣдствіе общаго развѣва свѣдѣній и грамотности. Съ увеличеніемъ класса авторовъ, сдѣлались невозможны и тѣ труды сообщая, та взаимная передача замысловъ и плановъ литературныхъ, обсужденіе начатыхъ произведеній всѣми голосами, единство направленія, словомъ, всѣ тѣ особенности, которыя заставляють старожиловъ, посправедливости, вспоминать съ умиленіемъ объ этой эпохѣ нашего литературнаго образованія. Самъ Пушкинъ, создавшій такъ много читателей на Русіи и не менѣе того стихотворцевъ, сильно способствовалъ уничтоженію дружескихъ литературныхъ круговъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохранилъ до конца своей жизни существенныя, характеристическія черты члена старыхъ литературныхъ обществъ, и уже не имѣлъ симпатіи къ произволу журнальныхъ сужденій, вскорѣ-замѣстившему ихъ и захватившему довольно обширный кругъ дѣйствія» (стр. 54).

Въ 1818 году Пушкинъ познакомился и подружился съ П. А. Катенинымъ, весьма-умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, въ которомъ современники, и въ томъ числѣ Пушкинъ, видѣли огромное драматическое дарованіе. Катенинъ, недавно-умершій, приготовилъ для изданія г. Анненкова, по его просьбѣ, записку о своемъ знакомствѣ съ поэтомъ.

Описаніе пріятельскихъ отношеній обоихъ авторовъ много способствуетъ объясненію характера Пушкина. Знакомство ихъ началось довольно-оригинально: поэтъ просто пришелъ къ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ какъ Диогенъ къ Антисоону: побей, но выучи!» — «Ученаго учить — портить», отвѣчалъ авторъ «Ольги» (стр. 55). Катенинъ въ самомъ началѣ своего знакомства съ Пушкинымъ помирилъ его съ княземъ Шаховскимъ. Онъ самъ привезъ его къ извѣстному комику, и радушный пріемъ, сдѣланный Шаховскимъ поэту, связалъ дружескія отношенія между ними, которыя, однакожь, не измѣнили мнѣній Пушкина о его произведеніяхъ. О впечатлѣніи, которое Шаховской произвелъ на поэта, г. Анненковъ говоритъ слѣдующее: «Тогдашній посредникъ ихъ записалъ слово-въ-слово любезный разговоръ, бывшій у него съ Пушкинымъ, когда оба они возвращались ночью въ саняхъ отъ князя Шаховскаго. Savez-vous,

сказалъ Пушкинъ, qu'il est très bon homme au fond? Jamais je ne croirai qu'il ait voulu nuire sérieusement à Ozerow, ni à qui que ce soit.— «Vous l'avez cru pourtant, отвѣчалъ Катенинъ, vous l'avez écrit et publié; voila le mal.»—«Heureusement», возразилъ Пушкинъ, «personne n'a lu ce barbouillage d'écolier; pensez-vous qu'il en sache quelque chose? «Non; car il ne m'en a jamais parlé.» — Tant mieux, faisons comme lui, et n'en parlons jamais» (стр. 55 — 56). Катенинъ же помпирлъ Пушкина съ Колосовой, дебюты которой поэтъ встрѣтилъ злою эпиграммой, но скоро искупилъ этотъ «злобы мигъ единой» чистосердечнымъ раскаяніемъ и восторгомъ, высказанными въ извѣстномъ посланіи къ Катенину: «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ» (т. II, стр. 289). Любопытныя письма Пушкина къ Катенину, сообщаемыя г. Анненковымъ (т. I, стр. 58—61) лучше всего объясняютъ ихъ отношенія и благородство нравственной физиономіи поэта. Записка Катенина о его знакомствѣ съ Пушкинымъ была однимъ изъ послѣднихъ его трудовъ: Катенинъ скончался въ маѣ 1853 года въ своей костромской деревнѣ. *Воспоминаніе* о немъ, напечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ» 1853 года (№ 192, стр. 767 и 868) и *Биографическая записка* о Катенинѣ П. А. Плетнева, напечатанная въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ» 1854 года (томъ III, листы 1, 2 и 3) также заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о его отношеніяхъ къ Пушкину. Доказательствомъ уваженія Пушкина и къ личности Катенина и къ его вѣлымъ, натянутымъ произведеніямъ, можетъ служить статья поэта о его сочиненіяхъ, напечатанная въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1833 года, пропущенная первымъ изданіемъ «Сочиненій» Пушкина, но перепечатанная г. Анненковымъ (т. V, стр. 551—553).

Пребываніе Пушкина на югѣ Россіи изложено у г. Анненкова весьма-удовлетворительно. Нѣсколько отрывковъ изъ неизданныхъ еще писемъ поэта къ брату и Б., представляютъ множество любопытныхъ и совершенно-новыхъ подробностей объ образѣ жизни, занятіяхъ и впечатлѣніяхъ Пушкина во время пребыванія въ Кишиневѣ и Одессѣ. Къ сообщаемому г. Анненковымъ о жизни поэта въ Кишиневѣ прибавимъ только, что видъ дома, который занималъ Инзовъ и въ которомъ жилъ Пушкинъ, приложенъ къ «Одесскому Альманаху» на 1840 годъ. Поэтъ скоро свыкъся съ своимъ новымъ положеніемъ, хотя часто вспоминалъ о Петербургѣ, гдѣ оставалось много близкихъ его сердцу. Несмотря на новостъ и разнообразіе впечатлѣній, онъ чувствовалъ свое одиночество. Шумъ и пестрота города ему, однакожъ, понравились, и онъ мало-помалу примирился съ новымъ образомъ жизни.

«Частыя отлучки Пушкина изъ Кишинева (говорить г. Анненковъ) еще освѣжали для него удовольствія полу-азіатскаго и полу-европейскаго общества. Въ этихъ отлучкахъ, а можетъ быть и въ сношеніяхъ своихъ съ пестрымъ и разнохарактернымъ населеніемъ его, Пушкинъ

встрѣтилъ то загадочное для насъ лицо, или тѣ загадочныя лица, къ которымъ въ разныя эпохи своей жизни, обращалъ пѣсни, исполненныя нѣжнаго воспоминанія, ослабѣвшаго потомъ, но сохранившаго способность возставать, при случаѣ, съ новой и болѣею силой. Кто не знаетъ этихъ чистыхъ созданий его лиры: *Подъ небомъ голубымъ страны своей родной* (1825), *О, если правда, что въ ночи* (1828), *Для береговъ отчизны дальней* (1830)». (Стр. 84).

Г. Анненковъ полагаетъ, что эти три стихотворенія, «будучи взяты всѣ вмѣстѣ, представляютъ одну трехчленную лирическую пѣснь, обращенную къ какому-то неизвѣстному лицу, или, можетъ-быть, къ двумъ неизвѣстнымъ лицамъ, умершимъ за границей, и что это однѣ изъ всѣхъ пѣсней Пушкина, жизненнаго источника которыхъ отыскать весьма трудно». (Стр. 195).

Постараемся разрѣшить эти недоразумѣнія.

Загадочное лицо, о которомъ говоритъ г. Анненковъ, есть, по всей вѣроятности, г-жа Ризничъ. О ней упоминаетъ К. П. Зеленецкій въ своей статьѣ *О пребываніи А. С. Пушкина въ Кишиневъ и Одессу* («Москвитянинъ» 1854 г., № 9, Смѣсь). Этими свѣдѣніями г. Анненковъ не воспользовался также, какъ и *Выдержками изъ дневника воспоминаній о Пушкинѣ и другихъ современникахъ*, В. П. Горчакова, жившаго въ Кишиневѣ въ одно время съ Пушкинымъ («Москвитянинъ», 1850 г.) «Вечера свои въ Одессѣ (говоритъ г. Зеленецкій) Пушкинъ проводилъ, по-большей-части, въ обществѣ. Въ то время у графа (Воронцова) бывали танцевальныя вечера по два раза въ недѣлю. Нашъ поэтъ былъ непремѣннымъ ихъ посѣтителемъ. Пушкинъ бывалъ еще у негоціанта Ризничъ. Здѣсь молодая жена хозяина, чело-вѣка уже не первыхъ лѣтъ, составляла душу общества. Она была родомъ изъ Генуи, славилась красотой и страстно любила играть въ карты. Пушкинъ съ своими друзьями бывалъ у ней довольно-часто, игралъ, волочилъ за хозяйкой. Не къ ней ли написано стихотвореніе: «На языкѣ, тебѣ невнятномъ»? Г-жа Ризничъ вскорѣ потомъ уѣхала за границу, гдѣ и умерла» (стр. 11).

Послѣ этихъ строкъ понятнѣе приводимые г. Анненковымъ намеки изъ рукописей поэта, свидѣтельствующихъ, что упомянутыя три стихотворенія не принадлежатъ къ области чистаго вымысла. Надъ первымъ изъ нихъ «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» поставлено въ рукописи: *29 іюля 1826 года*, а внизу написано :

«Усл... о см. 25.

«У. о. с. Р. И. М. К. Б.: 24». (Стр. 195).

Г. Анненковъ читаетъ первыя слова въ обѣихъ строчкахъ слѣдующимъ образомъ: «Услышалъ о смерти», что подтверждается и слѣдующими стихами элегіи :

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я (Т. II, стр. 385);

но буквы и цифры оставляетъ безъ объясненія. Полагаемъ, что первая изъ этихъ буквъ означаетъ фамилию названной выше особы, и что начало второй строки можно читать слѣдующимъ образомъ: *Услышалъ о смерти Ризничъ*; цифры же, вѣроятно, означаютъ день этого извѣстія и первоначальнаго созданія стихотворенія, которое въ рукописи имѣетъ заглавіе *26-го іюля 1826 года* (Т. II, стр. 409), означающее, быть-можетъ, время окончательной его отдѣлки. Предположенія наши подтверждаются еще и тѣмъ, что въ рукописи первый стихъ вѣрнѣе былъ слѣдующій :

Подъ небомъ сладостнымъ *Италіи своей*...

Г. Анненковъ говоритъ, «что это былъ, такъ сказать, настоящий стихъ, ближе выразившій самую мысль поэта, но онъ не имѣлъ рѣшмы въ соотвѣтствующемъ ему третьемъ стихѣ, почему и перемѣненъ на тотъ, который теперь стоитъ въ началѣ пьесы» (Т. I, стр. 196). Весьма-вѣроятно, что къ тому же лицу относится и сонетъ В. Туманскаго *На кончину Р...*, посвященный Пушкину и написанный въ іюль же 1825 года въ Одессѣ («Сѣверная Лира» на 1827 годъ, альманахъ, изданный Раичемъ и Ознобишинымъ).

Такую же близкую связь съ дѣйствительностью представляетъ помарка въ рукописи слѣдующей строфы въ стихотвореніи *Заклнаніе*, возстающаго, однакожъ, въ обоихъ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина :

«Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой:
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мѣрой.
Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно: сюда, сюда!..» (Т. II, стр. 451).

«Подобнымъ уничтоженіямъ (замѣчаетъ г. Анненковъ) подвергались у Пушкина или дѣйствительно слабыя мѣста пьесъ, или такія, которыя содержаніемъ своимъ уже слишкомъ рѣзко и очевидно выражали задушевные мысли его самого» (Т. I, стр. 196). Въ третьемъ изъ названныхъ нами стихотвореній искренность воспоминаній поэта высказывается вполне, ничего не оставляя для вымысла. Онъ хотѣлъ-было замаскировать дѣйствительность, и началъ адегію такъ :

Для береговъ *чужбины* дальней
Ты покидала край *родной*;

но это начало противорѣчило бы всему характеру и содержанию стихотворенія, и потому Пушкинъ тотчасъ же сдѣлалъ поправку, но рѣшился не печатать элегій, явившейся въ свѣтъ уже по смерти поэта. Напоминанье читателямъ это чистое, безуморизированное произведеніе, особенно-многозначительное, какъ страница задушевной его исповѣди :

« Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой ;
Въ часть незабвенный, въ часть печальный
Я долго плакала предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливы, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но тамъ, увы! гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескъ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но яду его : онъ за тобой. »

Вѣроятно, о той же самой женщинѣ говоритъ Пушкинъ въ слѣдующемъ неизданномъ письмѣ къ А. А. Б. отъ 29 июня 1824 года изъ Одессы. Въ «Матеріалахъ» явились три небольшіе отрывка изъ этого любопытнаго письма (стр. 104, 162 и 187—188), и потому приводимъ его начало съ сообщенной намъ коніи :

« Милый Б., ты ошибся, думая, что я сердить на тебя. Лишь одна жнѣ помѣшала отвѣчать на послѣднее твое письмо (другаго я не получала). Б. — другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ : мнѣ случилось *когда-то*(?) быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегій, какъ другой. Но пріятно ли влюбившавъ *напоказъ*...? Богъ тебя простить, но ты *срашилъ* *пощи* въ *мыслишней* «Звѣздѣ», напе-

чатавъ три послѣдніе стиха моея элегіи (*). Чортъ дернулъ меня написать еще некстати о бахчисарайскомъ фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки, и припомнить тутъ же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными! Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что жь она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей? Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Б., что элегія доставлена тебѣ Богъ—знаетъ къмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ... Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европы (единственный журналъ, на котораго не имѣю права жаловаться), что Б. не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, перекрестясь, предалъ все это забвенію. Отзвонилъ, и съ колокольни долой».

Изъ этого письма можно заключить, что стихотвореніе *Иностранкѣ* («На языкѣ тебѣ невнятно») о которомъ упоминаетъ г. Зеленецкій, писано къ другому лицу. Г. Анненковъ сообщаетъ слѣдующее характеристическое обстоятельство, сопровождавшее появленіе этого стихотворенія. Иностранка, имя которой тоже не сохранилось у насъ, на Руси, замѣчательна еще характеристической подробностью, касающейся Пушкина. Послѣ двухлѣтняго знакомства, она узнала, что Пушкинъ—поэтъ только по стихотворенію: *На языкѣ тебѣ невнятно*, вписанному въ ея альбомъ уже при разставаніи. «Что это значить?» спросила она у Пушкина. «Покажите это за границей любому русскому и онъ вамъ скажетъ!» отвѣчалъ Пушкинъ (Т. I, стр. 85). Вообще никто тщательнѣе Пушкина не скрывалъ, особенно въ обществѣ, своего званія поэта.

Къ числу стихотвореній Пушкина, въ которыхъ отразилась исторія его сердца, и отчасти имѣющихъ связь съ упомянутыми выше, принадлежатъ: *Гречанкѣ* (Т. II, стр. 329), *Элегія* «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» (стр. 340), *Непастный день потухъ* (стр. 341), *Ночь* (стр. 322), *Желаніе славы* (стр. 385), *Сожженное письмо* (стр. 386), *Къ* ***: «Я помню чудное мгновенье» (стр. 389), *От-*

(*) Эта элегія («Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда») напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г. (стр. 198). Три послѣдніе стиха элегіи, о которыхъ говоритъ Пушкинъ, и которые выпущены во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ элегіи (въ изданіи г. Анненкова они помѣщены въ примѣчаніяхъ) слѣдующіе:

«Когда на хижину сходяла ночь тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И именемъ своимъ подругамъ называла».

вѣтъ О. Т. (стр. 418), *Каковъ я прежде былъ* (стр. 445) и пр. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ необыкновенная искренность поэта соединяется съ величайшею осторожностью въ избѣжаніи всего, что слишкомъ—ясно говорило бы о дѣйствительности событій. Въ примѣрѣ такой осторожности г. Анненковъ рассказываетъ исторію созданія превосходнаго стихотворенія *Воспоминаніе* («Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день»), имѣющаго, какъ увидимъ, нѣкоторую связь съ произведеніями, названными выше.

«Эта уединенная исповѣдь (говоритъ г. Анненковъ), открывающая читателю, по-видимому, всѣ душевныя тайны поэта, останавливается тамъ, гдѣ, вмѣсто общаго выраженія чувства человѣческаго, должно явиться выраженіе чувства отдѣльнаго лица. Пьеса принадлежитъ къ 1828 году. Съмена, брошенная суетой свѣта и собственными погрѣшностями — вырастаютъ часами томительнаго бдѣнія въ ночи, муками и слезами раскаянія. Съ чуднымъ двоешпшіемъ:

«И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю»,

кончается исповѣдь для свѣта, но Пушкинъ еще продолжаетъ ее, уже не изъ потребности творчества, а изъ потребности высказаться и полнѣе опредѣлить себя. Нѣсколько замѣчательныхъ строфъ посвящаетъ онъ еще разбору своей жизни; но эти строфы, какъ представляющія частныя подробности, уже выпускаются изъ печати» (стр. 197). Заимствуемъ изъ «Матеріаловъ» окончаніе этого стихотворенія въ которомъ, уже извѣстныя намъ задушевныя воспоминанія поэта принимаютъ самыя свѣтлыя, неподражаемо-прекрасныя образы:

«Я вижу въ праздности, въ нестовыхъ шракахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ ограды мнѣ — и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данныя судьбой
Мнѣ Ангела, во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ.
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мервымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!

19 мая 1828. (Т. I, стр. 197).

Съ переселеніемъ Пушкина изъ Одессы въ Михайловское, въ 1824 году, начинается для него новый періодъ жизни и творче-

ства. Ныль молодости вращалъ: Пушкину было уже двадцать—цять лѣтъ, и сознание своихъ силъ открывало ему новую, самостоятельную дѣятельность, неподчиняющуюся никакимъ постороннимъ влияніямъ. Въ числѣ остроумныхъ и весьма—вѣрныхъ сужденій, разсѣянныхъ въ «Матеріалахъ», особеннаго вниманія заслуживаютъ мысли г. Анненкова о вліяніи Байрона на музу нашего поэта. «Люди (говоритъ авторъ), слѣдшіе вблизи за постепеннымъ освобожденіемъ природнаго генія въ Пушкинѣ, очень хорошо знаютъ, почему такъ охотно и съ такою радостью преклонился онъ предъ Британскимъ поэтомъ. Байронъ былъ указателемъ пути, открывавшимъ ему весьма дальнюю дорогу и выведшимъ его изъ того французскаго направленія, подъ которымъ онъ находился въ первые два года своей дѣятельности. Разумѣется, все, что впоследствии говорено было объ общей настроенности въѣха, о духѣ Европейскихъ литературъ, имѣло свою долю истины; но ближайшая причина Байроновскаго вліянія на Пушкина состояла въ томъ, что онъ одинъ могъ ему представить современный образецъ творчества. По—Нѣмецки Пушкинъ не читалъ, или читалъ тяжело; перевѣсь оставался на сторонѣ Британскаго лирика. Въ немъ почерпнулъ онъ уваженіе къ образамъ собственной фантазіи, на которые прежде смотрѣлъ легко и поверхностно; въ немъ научился художественному труду и пониманію себя. Байронъ вложилъ могущественный инструментъ въ его руки: Пушкинъ извлекъ имъ въ послѣдствіи изъ міра поэзіи образы, несколько непохожіе на любимыя представленія учителя. Послѣ трехъ лѣтъ родственаго знакомства, направленіе и приемы Байрона совсѣмъ пропадаютъ въ Пушкинѣ; остается одна крѣпость развивающаго таланта: обыкновенный результатъ сношеній между истинными поэтами! Нельзя сказать даже, чтобы одинъ Байронъ исключительно присутствовалъ при этомъ процессѣ развитія художественныхъ силъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ, въ эту эпоху, А. Шенье, которымъ Пушкинъ восхищался почти столько же, сколько и первымъ. Пушкинъ прежде всѣхъ въ Россіи заговорилъ объ А. Шенье, и, конечно, одинъ изъ первыхъ въ Европѣ вполне угадалъ прелесть его нѣжныхъ произведеній, особенно антологическихъ, гдѣ обычное щегольство его замѣнено истиннымъ изяществомъ. Слѣдуетъ вспомнить, что въ шумѣ, который производили тогда элегіи Ламартина, одно это обстоятельство показываетъ, какъ мало подчинялся Пушкинъ вообще шуму, хотя бы онъ шелъ издалека. Нѣкоторые изъ пріятелей его печатали и писали ему о Ламартинѣ съ жаромъ убѣжденія, не находя въ немъ, однакожъ, ни малѣйшаго отголоска на все ихъ увлеченіе. Можно сказать съ достовѣрностію, что очень долгое время Пушкинъ восхищался у насъ произведеніями А. Шенье совершенно уединенно. Совсѣмъ тѣмъ, и Байронъ и Шенье играли одинаковую роль въ жизни нашего поэта: это были помѣтки его собственнаго прибывающаго таланта; ступени, по которымъ онъ восходилъ къ полному проявленію своего генія». (Т. I, стр. 401.) Глубокое изученіе Шакс-

пира, разоблачивъ передъ Пушкинымъ всѣ недостатки Байрона, всю неестественность его героевъ, вдругъ измѣнило сужденія поэта о бывшемъ *властителѣ его думъ*. Сужденія эти, высказанныя въ письмѣ по поводу «Бориса Годунова», особенно-замѣчательны какъ по своей вѣрности и самостоятельности, такъ и по сравненію съ непосредственно имъ предшествовавшимъ безусловнымъ поклоненіемъ Байрону. Вотъ что писалъ о немъ Пушкинъ уже въ 1825 году:

«La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue—voilà la véritable règle de la tragédie. Je n'ai pas lu Calderon, ni Véga, mais quel homme que ce Shakspeare! Je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère—et c'est le sien (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse et voilà pourquoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère: son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième, etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants—ce n'est pas là de la tragédie!» (Т. I, стр. 444). Пушкинъ говорилъ также, что основаніемъ всѣхъ характеровъ Байрона былъ «Сатана» Мильтона. Такой крутой поворотъ въ мнѣніяхъ былъ слѣдствіемъ столько же необыкновенной способности Пушкина самоусовершенствоваться, какъ и способности относиться ко всякому предмету прямо, безъ пристрастія и предубѣжденія.

Взгляду поэта на художника и искусство особенно содѣйствовали направление «Московского Вѣстника», о которомъ такъ много хлопоталъ Пушкинъ, и кружокъ молодыхъ и талантливыхъ людей, содѣйствовавшихъ успѣху журнала. Г. Анненковъ говоритъ, что взглядъ этотъ и теорію творчества Пушкинъ выразилъ въ извѣстныхъ своихъ стихотвореніяхъ: *Чернь*, *Поэтъ*, *Эхо*, «*Поэтъ, не дорожи любовію народной*» (стр. 176). Разсматривая этотъ взглядъ, авторъ знакомитъ читателей съ сущностью принятой поэтомъ теоріи творчества и весьма-основательно подкрѣпляетъ свои мысли доказательствами изъ его произведеній. Къ сказанному прибавимъ только, что стихотвореніе *Эхо* не есть вполне самостоятельное и навѣяно чтеніемъ Томаса Мура. Главная мысль въ немъ принадлежитъ самому Пушкину, но нѣкоторыя подробности и даже размѣръ стихотворенія обличаютъ вліяніе автора «Ирландскихъ Мелодій». Для сравненія представляемъ стихотвореніе Мура:

«Есно.

How sweet the answer Echo makes
To music at night,
When, roused by lute or horn, she wakes,
And far away, o'er lawns and lakes
Goes answering light.

Yet Love hath echoes truer far,
 And far more sweet,
 Than e'er beneath the moonlight's star
 Of horn or lute, or soft guitar,
 The songs repeat.

'T is when the sigh, in youth sincere,
 And only then, —
 The sigh that's breath'd for one to hear
 Is by that one, that only dear,
 Breathed back again!

Потребности свои, какъ художника, Пушкинъ высказалъ, за полгода до своей смерти, въ неизданномъ стихотвореніи, въ которомъ признаетъ наслажденіе природою и искусствомъ единственною цѣлью своей жизни, пренебрегая всѣми другими цѣлями, волнующими его современниковъ. Изъ этого стихотворенія приведены послѣднія пять строкъ въ «Матеріалахъ» (стр. 423) :

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
 Дивясь божественнымъ природы чудесамъ,
 И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
 Безумно утопать въ восторгахъ умпленья...
 Вотъ счастье! вотъ права!

Одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для біографіи всякаго лица, дѣйствовавшаго на умственномъ поприщѣ, составляютъ, безъ-сомнѣнія, письма. Что касается писемъ Пушкина, то г. Анненковъ говоритъ, что, судя даже по немногимъ образцамъ, какіе находятся въ его рукахъ (а въ рукахъ его, судя даже только по «Матеріаламъ», было нѣсколько десятковъ этихъ писемъ), «переписка Пушкина съ друзьями своими обнимала почти всѣ почему-либо замѣчательныя явленія русской жизни и русской словесности» (стр. 83). Возвращаясь къ ней въ другомъ мѣстѣ своего труда, издатель говоритъ: «Непрерывная литературная переписка съ друзьями принадлежала къ числу любимыхъ и немаловажныхъ занятій Пушкина въ это время. Переписка Пушкина особенно драгоценна тѣмъ, что ставитъ, такъ сказать, читателя лицомъ къ лицу съ его мыслию и выказываетъ всю ея гибкость, оригинальность и блескъ, ей свойственный. Эти качества сохраняетъ она даже и тогда, когда теряетъ достоинство непреложной истины или возбуждаетъ сомнительный вопросъ» (стр. 123). Къ-сожалѣнію, г. Анненковъ не обратилъ достаточно вниманія на эту любопытнѣйшую сторону своего труда: въ «Матеріалахъ» только немногія письма Пушкина напечатаны вполнѣ; болѣею же частью издатель воспользовался отрывками изъ нихъ, которые приводитъ только какъ доказательство высказываемыхъ имъ сужденій. Между-тѣмъ переписка Пушкина до такой степени замѣчательна, что за сохраненіе каждой ея строки были бы благодарны читатели.

По нашему мнѣнію, прекрасное изданіе г. Анненкова еще болѣе выиграло бы, еслибъ издатель посвятилъ письмамъ Пушкина особый отдѣлъ, прибавивъ отъ себя только примѣчанія и объясненія.

Въ распоряженіи составителя «Матеріаловъ» преимущественно были письма поэта къ Катенину, Б., Дельвигу, и брату. Письма къ Катенину, которыхъ въ «Матеріалахъ» четыре (стр. 58—61), напечатаны вполне; но письма къ Б. являются большею-частью въ отрывкахъ. Переписка Пушкина съ Б. началась съ іюня 1822 года и дѣятельно продолжалась до 1825 года. Вотъ первое письмо къ нему Пушкина, неокказавшееся въ «Матеріалахъ»:

«Милостивый Государь А. А.

«Давно собирался я напомянуть вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе, и, признаюсь, неволью любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю поневолѣ и благодарю васъ, какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни, и желаю, чтобъ онѣ вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня ^{***}, старинной моей пріятельницѣ... При напечатаніи стиховъ къ Овидію не называйте меня, а поднесите мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напримѣръ услужливаго П. или какого-нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ) (*). Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ ^{***}. Онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи. Обнимите его за меня... какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи.

«Пушкинъ».

21 іюня 1822. Кишиневъ.

Приводимые въ «Матеріалахъ» на стр. 86 и 161 отрывки изъ письма Пушкина принадлежатъ къ письму, напечатанному въ «Современникѣ» 1854 г. (№ I, Критика), гдѣ помѣщены три письма Пушкина къ тому же лицу, изъ которыхъ перваго (стр. 13) также нѣтъ въ из-

(*) Посланіе къ Овидію дѣйствительно напечатано въ «Полярной Звѣздѣ», 1823 г. (стр. 81—84), безъ подписи, замѣненной двумя звѣздочками — «пропускъ, не легко объясняющійся» (замѣчаетъ г. Анненковъ), (Т. II, стр. 315). Въ томъ же изданіи напечатано стихотвореніе Пушкина *Мечта Воина*, также безъ подписи, съ двумя звѣздочками (стр. 388). Въ примѣчаніи къ нему г. Анненковъ также замѣчаетъ, что «трудно угадать причину, заставившую автора скрыть свое имя» (Т. II, стр. 311). Полагаемъ, что приводимое письмо достаточно объясняетъ эту причину.

даціи г. Анненкова. Два другіе отрывка въ «Матеріалахъ», на стр. 86, принадлежать къ слѣдующему письму, которое представляемъ вполнѣ:

«Я очень обрадовался письму твоему, мой милый. Я думалъ уже, что ты на меня дуешься. Радуюсь и твоимъ занятіямъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій: таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты, да, кажется, Виземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить. Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Виземскимъ о журналѣ. Онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, и дѣло было бы чудно хорошо. Ты пеняешь мнѣ за то, что я не печатаю. Надоѣла мнѣ печать опечатками, критиками, защищеніями etc... Однако поэмы мои скоро выйдутъ. И онѣ мнѣ надоѣли. *Русланъ* — молокоосея, *Пильникъ зеленый*, и предъ поэзіей кавказской природы поэма моя—Голиковская проза. Кстати: кто писалъ о Горцахъ въ «Пчелѣ»? Вотъ поэзія! Я..... ли, герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ былъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева, etc. Въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ: поэма моя была бы еще лучше. Важная вещь! я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ — все не то; даже К. вретъ. Что такое его *Духи* (*)? До сихъ поръ я ихъ не читалъ. Жду твоей новой повѣсти, да возмись-ка за цѣлый романъ и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на коцебятину. Кляняюсь планидику Р., какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ. Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія».

Отрывки, напечатанные на стр. 126, 127 — 128 и 160 — 161, принадлежать къ письму, писанному изъ Михайловскаго къ тому же самому лицу. Вотъ еще два неизданные отрывка изъ того же письма, изъ которыхъ первый слѣдуетъ за строками, напечатанными на стр. 126, а второй за отрывкомъ, явившимся на стр. 127:

...«Откуда ты взялъ, что я лъщу ***? Мнѣніе свое о его думахъ я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмкахъ его также. Очень знаю, что я его ~~учаю~~ въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогою. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаясь его на на шутку. Жду съ нетерпѣніемъ В., и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!...»

(*) *Шекспировы духи*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, напечатанная отдѣльно въ 1825 г., въ Спб.

...«Жду П. З. Давай ее сюда. Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы кстаи, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію. Безкорыстное признаніе въ ономъ требуетъ душевной силы. Впрочемъ, этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей. Да возмись за романъ. Кто тебя держитъ? Вообрази: у насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ слова, въ Европѣ также получишь свою цѣну, вопервыхъ, какъ истинный талантъ, вовторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ, etc... Подумай, братъ, объ этомъ на досугѣ...»

Приводимъ еще одно письмо, вторая половина котораго напечатана въ «Материалахъ», на стр. 161, въ выноскѣ:

«Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступающая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ предъ другими отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинимъ умолкнулъ голосъ лести, а какъ онъ льститъ?»

«О, вспомни, какъ въ томъ восхищеніи
Пророка, я тебя хвалю:
Смотри, я рекъ триумфъ минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ.»

Иностранцы намъ изумляются; они отдають намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемыми равными, вотъ чего п. В. не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ — дьявольская разница!...»

Въ связи съ этой перепиской находятся нѣсколько неизданныхъ писемъ къ другому лицу, отрывки изъ которыхъ также встрѣчаются въ «Материалахъ». Приводимъ одно изъ этихъ писемъ вполнѣ. Къ нему принадлежитъ отрывокъ, приведенный г. Анненковымъ на стр. 125:

Благодарю тебя за ты и за письмо. П. привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ *Цыгановъ*. Желаю, чтобы они тебѣ понравились. Жду П. З. съ нетерпѣніемъ, знаешь для чего? для В. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Б. пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ. Скажи ему, что онъ не правъ. Ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраса, и Веръ-Вера, и Рейнеке-Фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова, и проч. Это немного-строго. Картина

свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи; но Довольно объ Онѣгинѣ.

«Согласенъ съ Б. во мнѣніи о критической статьѣ Плетнева, но несовѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей? Потому—что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ... Что касается до Батюшкова, уважимъ въ немъ несчастія и несозрѣвшія надежды. Прощай, поэтъ.»

25 января.

Переписка поэта съ братомъ представляетъ много новаго и интереснаго. Изъ этой переписки было извѣстно только первое письмо, напечатанное г. Анненковымъ вполне (стр. 77—79). Остальные письма, числомъ около тридцати, напечатаны, къ—сожалѣнію, въ отрывкахъ. Не сличая напечатанныхъ отрывковъ съ письмами, доставленными въ копіяхъ въ распоряженіе пишущаго эти строки, и не дополняя однихъ другими, потому—что это завлекло бы насъ слишкомъ—далеко, представляемъ только весьма—немногія изъ писемъ вполне, и преимущественно тѣ, которыми наименѣе воспользовался г. Анненковъ. Изъ слѣдующаго письма напечатаны въ «Матеріалахъ» только первыя строки (стр. 90):

«Душа моя, какъ перевести по—русски *bénues*? Должно бы издавать у насъ журналъ *Revue des Révues*. Мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Р., его же гербъ російскій на вратахъ византійскихъ (во время Олега герба русскаго не было, а двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на западную и восточную ..). Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *bénues*. Поговори объ этомъ съ нашими, да похлопочи о книгахъ Ты ко мнѣ совѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что—то при молкли. Скажи ради Христа Ж., чтобы онъ продиктовалъ Якову строчки три на мое имя. Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто... Дельвигу поклонъ. Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь ли ты Карамзина? Чѣмъ тебя подчивать?»

«Я послалъ—было черезъ тебя стихи Θ. Глинкѣ, но ты письма моего не получилъ. Посылаю снова. Покажи ихъ Глинкѣ, обними его за меня, и скажи ему, что онъ все—таки почтеннѣйшій человекъ здѣшняго міра».

Отрывки изъ слѣдующаго письма напечатаны въ «Матеріалахъ» на стр. 239, 241 и 242:

«Не стыдно ли К. напечатать ошибочно моего Демона (*)? Моего

(*) Въ «Мнемозинѣ» 1824 г., Ч. III.

Демона!... Не давать ему за то ни *Моря*, ни капли стиховъ отъ меня. NB. Г. Издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? Да нельзя ли еще подъ разговоромъ поставить число 1828 г.? Стихъ: «*Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи*» надобно бы выкинуть, да жаль: хорошъ. Жаль еще, что поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего книгопродавца. *Mes arrières neveux me devraient cet ombrage*. Съ журналистами дѣлай что угодно. Дарю тебѣ мои мелочи на пряники. Продавай или дари, что упомнишь, а переписывать мочи нѣтъ. Михайло привезъ мнѣ все благополучно... Пришли же мнѣ *Эду Баратынскаго*. Ахъ онъ чухонецъ! Да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.»

Изъ слѣдующаго письма въ «*Матеріалахъ*», напечатано только нѣсколько строкъ на стр. 239:

«*Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на К. Перешли ее Вяземскому, а между-тѣмъ пришли мнѣ тотъ № «Вѣстника Европы», гдѣ напечатанъ разговоръ Лжедмитрія. Это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану. Не худо бы мнѣ прислать и весь процессъ (и Вѣстникъ, и Дамскій Журналъ). Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его — прелесть. Сердись онъ не сердись, а хотѣлъ простить — простить не могъ достойно Байрона. Видѣние, конецъ прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы, по-крайней-мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами. Если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ».*

«Гнѣдичъ не получилъ моего письма? Жаль! Оно, сколько помню, было очень-забавно. Въ томъ же пакетѣ находились два очень-нужныя тебѣ и Плетневу. Кстати, каковы мои замѣчанія? Надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу, а виновать, В. мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня. Если можно, пришли мнѣ послѣднюю *Genlis* да *Child Harold*, *Lamartine* (то-то чепуха должна быть!), да вообще что-нибудь новенькаго, да и *Старину*. *Талию* получилъ, и письмо отъ издателя не успѣлъ еще пробѣжать. *Ворожея* показалась мнѣ *du bon comique*. А Хмѣльницкій — моя старинная любовница. Я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ первую пѣснь Онѣгина (да кой-чортъ! говорятъ онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ о драматическомъ писателѣ).

«В. правъ, а все-таки я на него сердить. Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ Анахарсиса. Каждый, вѣрно, сердится на меня за то, что мнѣ не по нутру *рѣзвоскачущая кровь Грибодова*,

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ эгоизма и изъ аневризма, и проч.

«Письмо Жуковского наконецъ я разобралъ. Что за прелесть его небесная душа!»

Кстати о Хмѣльницкомъ, приводимъ неизданное письмо къ нему Пушкина, отъ 6-го марта 1831 года. Но предварительно, для объясненія его, скажемъ, что Хмѣльницкій, бывший въ то время гражданскимъ губернаторомъ въ Смоленскѣ, озабочиваясь устройствомъ въ Смоленскѣ публичной библіотеки, отнесся официальнымъ образомъ ко всѣмъ извѣстнѣйшимъ русскимъ писателямъ съ просьбою о пожертвованіи въ пользу библіотеки по экземпляру своихъ сочиненій. Пушкинъ отвѣчалъ ему слѣдующее :

«Милостивый государь, Николай Ивановичъ.

«Спѣшу отвѣтствовать на предложеніе вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбія : я за честь бы себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ смоленскую библіотеку, но въ слѣдствіе условій, заключенныхъ мною съ петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни единого экземпляра, а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть,

Милостивый государь,

Вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

«3-го марта 1831 года. Москва.

«Давъ официальный отвѣтъ на официальное письмо ваше, позвольте поблагодарить васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощенія, не за себя, а за моихъ книгопродавцевъ, невысылающихъ вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ вамъ доставлена непременно, вамъ, любимому моему поэту; но не ссорьте меня съ смоленскимъ губернаторомъ, котораго, впрочемъ, я уважаю столько же, сколько васъ люблю. Весь вашъ» (*).

Возвращаясь къ рассмотрѣнію «Матеріаловъ», не можемъ не пожалѣть, что г. Анненковъ принялъ за правило «исключать всѣ полемическія статьи, рожденныя современными спорами» (стр. 207). Издатель замѣчаетъ, что статьи эти, какъ, напримѣръ, напечатанныя въ «Телескопѣ» 1834 года (№№ 13 и 14) съ подписью *Геофілактъ Косичкинъ*, «не искупаютъ своей веселостію нѣкоторой жесткости въ формѣ и въ языкѣ» (стр. 252). Съ этимъ мнѣніемъ трудно согла-

(*) Письмо это сообщено Е. Н. Васильевымъ, получившимъ его отъ Хмѣльницкаго.

сяться: необыкновенное остроуміе этихъ статей, представляющихъ не-отразимую сатиру въ самой изящной формѣ, дѣлають ихъ поистинѣ образцовыми въ своемъ родѣ. Кромѣ своего внутреннего достоинства, онѣ любопытны и потому, что въ нихъ отражается время, понятія и литературные нравы. «Матеріалы» даже не представляютъ достаточно указаній, по которымъ читатели могли бы познакомиться съ этою, извѣстною только немногимъ, стороною таланта Пушкина. Такому же исключенію подверглись нѣкоторыя стихотворенія и многія эпиграммы являвшіяся большею-частью безъ подписи поэта. При разсмотрѣніи слѣдующихъ томовъ изданія г. Анненкова, укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ и постараемся дополнить уже сдѣланныя имъ указанія неподписанныхъ статей Пушкина, являвшихся въ періодическихъ изданіяхъ; теперь же скажемъ только, что напечатанная въ «Литературной Газетѣ» статья объ *Исторіи Русскаго Народа* Полеваго, о которой упоминаетъ г. Анненковъ и въ которой находить сходство съ образомъ мыслей поэта (стр. 269 и 298), дѣйствительно принадлежитъ Пушкину; а подпись подъ нею *P.*, вѣроятно, означаетъ первую французскую букву его фамиліи (*Pouchkine*).

Вторая половина біографіи, и особенно конецъ ея, вообще представляютъ мало собственно-біографическихъ фактовъ... Но, въ замѣнъ біографическихъ подробностей, г. Анненковъ представляетъ множество новыхъ фактовъ для изученія литературной дѣятельности Пушкина, знакомитъ читателей съ исторіею его произведеній, съ приготовительными къ нимъ работами и въ высшей степени любопытными приемами его поэтическаго творчества.

Оставляя до слѣдующихъ статей разсмотрѣніе литературной дѣятельности Пушкина, которое составляетъ важнѣйшую сторону труда г. Анненкова, заключимъ наше обзорнѣе указаніемъ *нѣкоторыхъ* неправильностей въ стихѣ, къ-сожалѣнію, часто встрѣчающихся въ «Матеріалахъ», и преимущественно въ стихахъ, впервые являющихся въ печати, не касаясь при этомъ собственно типографскихъ несправностей, то-есть опечатокъ, которыя, какъ мы слышали, будутъ указаны въ особомъ приложеніи. Напримѣръ въ отрывкѣ изъ «Евгенія Онѣгина», написанномъ, какъ извѣстно, четырехстопнымъ ямбомъ, встрѣчается четырехстопный хорей:

$\begin{array}{cccccccc} & \sim & \cup & \cup & \cup & \cup & & \\ \text{«Разъ вечернею порою} & & & & & & & \\ \text{Одна изъ дѣвъ сюда пришла»}. & & & & & & & \end{array}$

(Стр. 333).

Въ другомъ отрывкѣ изъ «Онѣгина» есть и неясный, и неправильный стихъ:

«Когда бы грузъ меня гнетущій
 Былъ страсть... несчастье» (стр. 335).

Въ отрывкахъ, неизвѣстно куда принадлежащихъ, также есть много неправильныхъ, или невѣрно-разобранныхъ и невѣрно-напечатанныхъ стиховъ. Напримѣръ :

«Тамъ на берегу, идъ дремлетъ лсъ священный
Твое я имя повторялъ» (стр. 346).

Очевидно, что слово *тамъ* — лишнее. Или :

«Счастливъ тотъ, кто безъ тебя, любовникъ упоенный,
Безъ томной робости твой ловить свѣтлый взоръ» (стр. 346).

Также :

«Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
Невърная супруга Филиппу» (стр. 351).

Конечно, нельзя не пожалѣть о подобныхъ неисправностяхъ, особенно въ изданіи сочиненій любимого поэта; но эти недостатки, быть-можетъ, и неизбежныя, не уменьшаютъ главнѣйшихъ и неотъемлемыхъ достоинствъ прекраснаго изданія г. Анненкова. Строгость системы, возможная полнота, и, несмотря на нѣкоторую скудость собственно-біографическихъ фактовъ, живое и полное изображеніе литературной дѣятельности Пушкина — вотъ важныя достоинства изданія. Онѣ вполне выкупаютъ всѣ его мелочныя недостатки, и за нихъ нельзя не благодарить издателя.

В. ГАЕВСКІЙ.

